

Управление культуры
Администрации Кадуйского муниципального округа
Вологодской области
162511, Вологодская обл., п. Кадуй, ул. Энтузиастов, д. 3
Тел/факс: (81742) 5-10-79, 5-11-17
e-mail: cultura_kaduy@mail.ru

№ 9
2025

С В Е Т Е Ц

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
КАДУЙСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Сухачские очерки

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:**

М.В. Кус,
Начальник управления
культуры Администрации
Кадуйского
муниципального округа

С.Н. Леушева,
директор МУ
«Телерадиокомпания
«Кадуй»

П.В. Бекаревич,
директор МБУК
«Кадуйский районный
центр народной
традиционной культуры и
ремесел
им. А.Ф. Каданцева»

Г.В. Загребин,
научный сотрудник МБУК
«Кадуйский районный
краеведческий музей им.
А.Г. Юкова»

А.К. Тюхтина,
библиотекарь МБУК
«Кадуйская
межпоселенческая
библиотечная система»

А.А. Дудкин,
член Союза российских
писателей

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
КАДУЙСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА**

СВЕТЕЦ

**№9
2025**

• СУХАЧСКИЕ ОЧЕРКИ

На первой странице обложки:
– графика преподавателя Кадуйской ДШИ
О.Ю. Лукичевой
– Развалины Николаевской Сухачской церкви, фото
А.А. Дудкина

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКЦИИ

Публикуемъ новый сборникъ краевѣдческихъ работъ нашего постояннаго автора Александра Дудкина. Писатель не только представляетъ развернутый историческій очеркъ о Сухачской волости, но и описываетъ жизни нашихъ земляковъ, чьи судьбы опредѣлилъ великій сломъ эпохи отъ реформъ Александра II до индустриализаціи Сталина.

Именно исторіи простыхъ людей должны представлять наибольшій интересъ для историка. Изъ ихъ желаній, помысловъ, устремленій и поступковъ складываются большіе социальные процессы.

Сборникъ предназначенъ для школьниковъ, студентовъ, преподавателей, всехъ, кто интересуется исторіей роднаго края.

П.В. Бекаревич,
выпускающій редакторъ журнала «Свѣтецъ»

Александр Анатольевич Дудкин,

краевед, поэт, дипломант межрегионального конкурса имени Нины Искренко (1999 г., г. Кострома), финалист «Ильи-премии» (2011 г., г. Москва, конкурс эссе «Русский характер: Новый взгляд»), автор трёх стихотворных сборников: «Блуждание как блуд» (2002), «Случайная небрежность» (2005) и «Я был в лесу...» (2024). Член Союза российских писателей с 2005 года. Является

членом редколлегии и одним из составителей альманаха литературно-художественного объединения Кадуйского округа «Семизерье», историко-краеведческого журнала учреждений культуры Кадуйского округа «Свинец». Автор двух номеров этого журнала: «Из истории Мазы, деревни Кадуйского района» (2015 г., № 2) и «Деревни, хутора, усадьбы Барановской и Мазской территорий Кадуйского района Вологодской области» (2021 г., № 8).

Предуведомление

В самом начале 50-х годов прошлого века молоденькая учительница сразу после окончания педагогического училища по распределению попала в Танищскую начальную школу.

– Откуда ты будешь? – спросила её пожилая женщина.

– Из Нижних, – ответила начинающая учительница

– А-а-а... Из Сухоча, значит.

Ни «да», ни «нет» учительница тогда пожилой женщине сказать не смогла, потому как не знала ни что такое «Сухоч», ни где он находится.

Сухач исчез из мазской (если говорить шире – кадуйской) топонимики в середине 30-х годов XX века. После того исчез, как были закрыты церкви Николаевская Сухаческая и Успенская Сухаческая. Поэтому и очерки в этой книге рассказывают только о событиях до этих лет.

СУХОЧ (XVI – середина XIX вв.)

1

Первые упоминания мест, которые сейчас, в 20-е годы XXI века, мы называем мазской территорией, а совсем недавно они составляли Мазское муниципальное образование, в письменных исторических источниках относятся к XVI веку. По мнению Елены Филипповой¹ в первой половине этого столетия была основана церковь Николая Чудотворца на Сухачском погосте, который до середины XIX столетия был центром волости Сухоч².

Но Сухоч известен в Белозерском крае, по крайней мере, с XIV века. В сочинении неизвестного автора, впервые опубликованном в 1788 году³, рассказывается о том, что с середины XIII столетия Белозерским княжеством владел Глеб Василькович, затем его потомки – сын Михаил Глебович и внук Федор Михайлович. «По них разделилося Белозерское княжество на многие княжения, и княжили на Белеозере в разных местах, как в упомянутом городе, так и в Карголоме, в Вадбале, в Водосе, в Кеме, в Ухтоме, в Сухаче, в Осютине, в Лозе и в прочих местах. Названия сии на Белеозере и донныне известны, кроме Осютина...»⁴

По сведениям, которые привёл в монографии «История землевладения Белозерского края XV – начала XVII вв.» А. И. Копанев, Николаевский приход (Сухоцкая волость) упоминается в Копийной книге. Это упоминание, а также упоминание о деревне Верхний Двор, находящейся на расстоянии не более одного километра от церкви, датируется 1584/85 годом⁵. Поэтому Верхний Двор из всех нынешних мазких населённых пунктов следует считать самым древним. «В глубокой древности слово двор, – цитирую топонимический словарь Ю. Чайкиной, – могло обозначать не только усадьбу, но и селение, поскольку преобладающим типом поселения в древней Руси была однодворная деревня. Отсюда Верхний Двор – это верхняя (по отношению к чему-то) деревня»⁶. Могу предположить, что верхней⁷ она была

именно по отношению к погосту. Что ещё примечательно ниже по течению реки Колпь на другом, правом её берегу, стоит деревня, которая в досоветский период так и называлась «Нижняя».

2

Ещё одно упоминание о наших местах того века, а именно о реках Суде и Колпи от её устья вверх по течению на 5 вёрст (то есть от нынешней деревни Усть-Колпь до, примерно, деревни Нижние), сохранилось в послушной грамоте 1680 года царя Федора Алексеевича, который ссылается в свою очередь на документ времён Ивана Грозного: *«Да в списке с жалованной грамоты написано: «Лета 7070-г марта в 4 день блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея России пожаловал черного попа Герасима с братьею, что служит в Живоначалные Троицы в Белозерском уезде в Филипове пустыне в Красном Бору на Ирапе, или кто в той пустыне впредь // иные попы и братья будут. В Белозерском уезде рыбная ловля им в Суде реке от устья реки Андоги вверх де речки Колпи и в Колпи речке на 5 верст... в пустыню, в дом Живоначалные Троицы и чудотворцу Филиппу, без отдачи; ловцам Шексны реки села Любца и Луковеси на те рыбные ловы ездить не велено; и в тот их лес и в угодые черным волостям вступатца и лесу сечь не велено ж; чтоб им ни от кого обиды не было» ...Писан на Москве лета 7188-г июня в 1 день»⁸.*

3

Но, конечно же, селения наши стали появляться значительно раньше. Об этом говорят источники археологические⁹ и легендарные.

По данным А. Я. Брюсова¹⁰ курганы X – первой половины XIII вв. находятся близ станции Уйта¹¹. В первой половине 1980-х годов экспедицией Череповецкого краеведческого музея открыта курганная группа X–XI веков у д. Куракино¹². В 2007 году производились раскопки около деревни Усть-Колпь, археологи считают, что следы существования деревни относятся к XV–XIX векам¹³. В 1981–82 гг. экспедиция А. Н. Башенькина

обследовала Усть-Староарапский могильник на реке Колпи близ деревни Заэрап, который датируется второй половиной XIII–XVI веком, рядом с ним находится селище¹⁴.

Судя по всему, легендарные сведения из описания прихода Сухачской Николаевской церкви относятся в том числе и к Усть-Староарапскому могильнику: *«Есть один курган, о котором говорят, что будто бы литва тут зарыла своё сокровище. В другом месте есть курганы, о коих говорят, что на этих местах были жители и тут находили будто бы сковороды и сковородники»*¹⁵.

4

К древнейшим¹⁶, кроме названного выше Верхнего Двора, относятся следующие мазские деревни: Маза, Мошницкое, Нижние, Заэрап, Бор, Капчино, Уйта, Шоборово, Кузьминка. Они впервые упоминаются в «Писцовой книге письма и меры князя Никиты Шеховского да подъячего Максима Козлова», которая датируется 1626/27 годом.

Деревня **Маза**¹⁷ всегда была Мазой. Я не знаю ни одного источника, в котором она поименована как-то иначе. Имя своё она, скорее всего, получила от речки, на которой стоит. А река Маза так была названа, по всей видимости, ещё финно-угорскими племенами, которые жили здесь до прихода славян. К этим племенам относится и мордва. В мордовском языке слово «мази» означает красивый, а слово «маза» – спокойный. По одному этому признаку и была, предполагаю, названа речка Маза, которая впоследствии дала название деревне. Интересно, что и в русском языке есть слово «смазливый», то есть красивый. А глаголы «красить» и «мазать» в некоторых случаях синонимы. Хотя в одном из областных диалектов (псковском) слово «маза» обозначало человека, который мажется. А вода в речке Мазе «выкрашенная», «смазанная» – жёлтая, коричневатая, потому как течёт из болота, богатого железом.

Мошницкое¹⁸. В документе первого упоминания эта деревня названа Мошенником. Мошницким она, по всей

видимости, стала называться тогда, когда превратилась в село, то есть в ней или рядом с ней появилась помещичья усадьба. На топографической карте Новгородской губернии, изданной в 1847 году, у неё чуть-чуть другое имя – Мошницко.

Нижние. Как я уже писал, эта деревня весь досоветский период имела несколько иное название, а именно – «Нижняя», так как, судя по всему, находилась ниже по течению реки Колпь относительно Николаевского Сухачского погоста, центра волости. Отмечу, что Успенский Сухачский приход, к которому деревня Нижняя стала принадлежать впоследствии, возник на столетие – полтора позже соседнего Никольского прихода и уже тогда, когда деревня Нижняя существовала. Согласно Писцовой книге 1645 года Нижняя относилась к волости Сухоч, согласно данным переписи 1710 года к Воронской Кулиге Бухацкой¹⁹ волости Суцкого стана.

В деревне Нижние семнадцатый век «проявил себя» в середине века двадцатого: *«20 июня 1958 г. при прокладке улицы тракторный канавокопатель с глубины 0,8 метра выбросил против дома колхозника В.В. Балашова серебряные монеты, 96 монет из клада, общим весом в 43,40 г., поступили в Государственный исторический музей»*²⁰.

Заграп. Начну с цитаты: *«Судя по писцовой книге 1678 г., селение принадлежало московскому боярину И. Е. Спецневу²¹, называлось оно Заирапье (СПК Белоз, л. 101). Названо по местоположению: Заирапье – деревня, находящаяся за ручьями, которые именовались Ирапы. В XVI–XVII вв. поблизости располагалась Филиппо-Ирапская пустынь (небольшой монастырь). Гидроним Ирапы финно-угорского происхождения, этимология его неясна»*²².

Но много вариантов названий существует у этой деревни: что ни исторический документ, то немножко иное название. По источнику первого упоминания, по мнению А. И. Копанева, – она Заграп²³. В писцовой книге 1645 года – Зарепье. Согласно данным переписи 1710 года – Арапье. На одной из карт XVIII века – Зарапье. Заирапом же эта деревня именуется ещё в конце XIX и даже в начале XX веков, в метрических книгах тех лет.

Жительница деревни Татьяна Михайловна Кузьмицкая (1915 г.р.) считала, что «эрап» – финское слово, обозначает наличие руды²⁴.

Бор. Название деревни – славянское. По источникам первых упоминаний – Борок. Думаю, цитата из «Истории Белозерского землевладения» А. И. Копанева сразу всё разъяснит: *«В XIV–XV вв. идёт усиленная вырубка леса. То и дело возникают деревни на "лесе", которые ставятся волостными крестьянами, землевладельцами, монастырями. Поэтому деревни с названием Дор, Дорище, Дорок встречаются в значительном количестве на территории Белоозера... На карте Новгородской губернии 1847 г. на Белоозере отмечено более 20 деревень с такими названиями. Много деревень с названием Борок, Бор, Березник»*²⁵.

Капчино. Капчина или Капшина Гора. В некоторых языках слова, близкие по написанию к слову «капчино» переводятся на русский как курган, могила, насыпь, бугорок²⁶.

Уйта. Как ни странно на первый взгляд, понять, почему эта деревня имеет именно такое название, совсем не трудно, по той простой причине, что слово «уйта» имеется в толковом словаре В. Даля и означает биль, чистое моховое, безлесное болото²⁷. Именно такое болото находится рядом с деревней, как-либо иначе этот населённый пункт не именовался. В писцовой книге 1645/46 г. деревня Уйта отсутствует. Но в документе 1678 г. про неё сказано: *«В волости Сухач... за В. П. Хрипуновым треть д. Уйты поселена вновь...»*²⁸.

Шоборово. В источнике первого упоминания прочитана как Шубарева²⁹, в писцовой книге 1645 г. – Шуобарева³⁰, в материалах переписи 1710 года – Шобурово. Если судить по первому названию, то деревня сия названа по фамилии первого или одного из первых её владельцев. С течением времени оно трансформировалось в Шоборово.

С вепсского слово «шуб» переводится как «осина», а в округе деревни много осинников, на болоте у деревни есть Осиновый остров³¹.

Кузьминка. По документам первого упоминания – Кузьминская. Эта деревня, единственная из всех перечисленных, весь рассматриваемый в этом очерке период относилась вначале к волости Дуброва, затем к Барановской, к приходу Зелено-Дубровской Преображенской церкви. Деревень с таким названием не мало в Белозерском крае. С большой долей вероятности можно сказать, что название свое она получила от имени основателя или одного из первых жителей её.

5

Итак, XVII век, его начало. В России – смутное время. Волна беспредела и разбоя докатилась и до Сухощкой волости. Вот что пишет об этом русский историк XIX столетия Николай Ардашев (речь идёт о 1613 году): *«В Белозерском уезде пошли черкасы по разным местам; водили их от волости до волости мужики, где кого сведут. К Покрову дню, одни из них перевезлись за Шексну реку на пошехонскую сторону. Перелезши Шексну реку, шли мимо Ферапонтовской вотчины и тут стояли. И крестьяне монастырские слышали, что говорят между собой, идет де государева казна зеленая от Холмогор, и им бы перенять ее, а переняв, идти под Кириллов монастырь и к Белозеру.*

Иные люди ночевали в Покров день в Засудье (за р. Судой) и стояли на Петухе. И пришли вести в Андожскую волость (Андога): в Дуброве ссекли черкасы 170 человек да в Таницах и в Тырныче посекали мвогих людей и, на Суде учили острог ставить, от Белозера за 100 верст. Крестьяне Андожской волости разбежались все по лесам. Послан был в Андожскую волость белозерский „разсыльщик“ и приехав по деревням никого крестьян не изъехал: были все на лесу; старосту, двух попов и троих крестьян – и тех собрал с лесу. А к Устюжне белозерского розсыльщика не пропустили ехать де; и пешему пройти не можно: на Петухе и за Судой, и в Сухаче, и на Сявсе стоят воровские люди»³².

Для нас главными в этой статье являются слова: *«И в Сухаче стоят воровские люди»*. В описании Сухачского

Николаевского прихода сказано: «...есть предание, что была и здесь литва и опустошила окрестности...»³³. Ещё одно косвенное свидетельство о присутствии «воровских людей» находим в описании прихода Сухачской Успенской церкви: «По неимению никаких документов, ни старожиллов, помнящих что-либо о приходе, кроме только того, что бывала и литва, сказать более нечего, о бытии же литвы предание подтверждается по городку, сделанному из земли в открытом месте на волоке, близ реки Колпи, на левом берегу ея; этот городок такой же, как и в Устюжне на устье реки Ижины – четырёхугольный, по бокам на насыпной земле возвышенность, как бы крепость»³⁴.

6

Ряд белозерских волостей, в том числе и Сухачская, по боярским грамотам в октябре 1612 года были приписаны к Устюжне для «подвод, кормов и городского дела». В 1613 году посадские люди этого города получили подтверждение в том, что за ними эти волости сохранились как тяглые. Подтверждение понадобилось потому, что «"ныне к Устюжне подводами и кормами" эти волости не тянут»³⁵. А в январе 1614 года уже «...по государеву указу и по челобитью посадских людей «к Устюжне к посаду и Устюженскому уезду были приписаны Белозерского уезду волости, которые подошли к Устюжне: волость Петушская да Сухачская да Тырпицкая да Андоская и Холицкая и Ваксоловская и Дуброва... а которых волостей крестьяне не учнут слушатца, на Устюжну тянуть не учнут, приводить на Устюжну и наказание им чинить»³⁶. Такой порядок, по всей видимости, существовал не долго, распространялся «только на период строительства острога»³⁷.

7

В том же, 1613-м году началось испомещивание земель волости Сухоч и соседних волостей. "Сразу же после изгнания польских интервентов, – пишет Копанев, – Московское правительство

производит громадные по размерам раздачи земель на Белоозере, испомещая здесь служилых людей сотнями... В феврале 1613 г. грамотой бояр приказывалось испоместить на Белоозере волоцких, иосифовских и погорелогородских сидельцев, дворян и детей боярских. Состав их был очень различен: там были клиняне, можаитяне, звеногородцы. Там были государевы люди: кречетники, сокольники, ястребетники... Позднее на Белоозере испомещаются "сытного, кормового и хлебного дворца дворовые люди". В 1613–1614 гг. ...новгородские помещики, казаки, черкасы и множество иноземцев: литва, немцы, "угрены", волошеняне. Вся эта разношерстная масса в большом количестве в 1613–1615 гг. хлынула на Белоозеро"³⁸.

Служилые люди в дворцовые села Сухотцкой волости были испомещены в феврале 1613 года³⁹. В столбцах Поместного приказа⁴⁰ дворцовыми названы сёла, а не волость. Поэтому, считает А. И. Копанев, трудно сказать все ли населённые пункты волости были дворцовыми⁴¹ или только часть из них.

Испомещение происходило в обстановке «ожесточённой классовой борьбы крестьянства против феодало-помещиков»⁴².

8

А. И. Копанев, опираясь на переписную книгу князя Шеховского 1626/27 г., охарактеризовал экономическое состояние каждой белозерской волости. Сухотская волость состояла из 44 селений и 102 пустошей или из 80 дворов крестьянских, 42 бобыльских и 87 дворов пустых и мест дворовых. Пашни худой и средней земли за вотчинниками числилось 54 четверти⁴³, за крестьянами – 294 четверти, перелогом – 326, перелогом и лесом поросшие – 682, лесом поросшие – 872. Пустошей к общему числу селений – 69,9 % (в среднем по белозерским волостям, которые находились во владении помещиков, – 71,5 %), бобыльских дворов к общему числу дворов и мест дворовых пустых – 20,1 % (в среднем по Белоозеру – 20,3 %), дворов пустых и мест дворовых

к общему числу крестьянских и бобыльских дворов – 41,6 % (в среднем по Белоозеру – 62,6 %), пашни перелогом, перелогом и лесом поросшей и лесом поросшей 1880 четвертей или 84,4 % к общему количеству пашни (по Белоозеру – 85,3)⁴⁴.

Показатели экономического состояния Сухотцкой волости близки к средним показателям по Белоозерскому краю. *"...в начале XVII в., – пишет А. И. Копанев, – земледелие переживает сильный упадок. Печать запустения лежит на всех районах края. Прежде всего, бросается в глаза большое количество пустошей, т. е. запустевших населённых пунктов, пустых дворов и мест дворовых... Большой процент запустенья деревень всегда соответствует большому количеству бобыльских дворов. Рост бобыльских дворов явился следствием экономического обнищания населения. Раз пустели деревни, то неизбежно запускалась и пащина. Она превращалась в перелог, и если соха не касалась его какой-нибудь десяток лет, то эта земля зарастала мелким кустарником и молодым лесом – "в кол и в жердь", превращалась в землю, "перелогом и лесом поросшую", как её называет наша писцовая книга. А если и дальше рука человека не прикасалась к ней, то молодой лес вырастал в большой, "дикий", как называют его на севере, и писец эту пащину именует уже "пащина лесом, поросшая". Слабела рука человека – наступали леса.*

...на Белоозере было больше земель запущенных, не обрабатываемых, ушедших в перелог и поросших лесом, чем земель возделываемых – пахотных...

Запустение началось ещё в конце XVI века... Косвенное доказательство тому... даёт писцовая книга князя Шеховского. Большое количество запустевших земель книга относит к разряду пашен, "перелогом и лесом поросших" или просто "лесом поросших". По этим указаниям писцовой книги можно судить о том, за сколько времени до описания запустела земля, так как, чтобы пащине порости лесом, нужно, по крайней мере, лет 30 – 40, т. е. большинство необрабатываемой пащины, описанной князем Шеховским в 1626/27 г., запустело ещё в XVI веке...

Следовательно, можно предположить, что до последних десятилетий XVI в. большинство пашен, которые поросли лесом к 1626 г., обрабатывалось; большинство пустошей, указанных книгой Шеховского, были населёнными пунктами. Поэтому мы можем полагать, что... крестьяне возделывали все те, позже поросшие лесом пашни, отмеченные в столь большом количестве писцовыми и переписными книгами начала XVII в.»⁴⁵

9

В 1645/46 г. в ходе общерусской переписи⁴⁶ была создана «Переписная книга Селуяна Павлова да подъячего Григорья Белого», которая, в частности, содержит сведения по волости Сухоч.

Волость состояла из 22 селений, что в два раза меньше, чем двадцатью годами ранее. Мошенник, хоть и отнесён к Сухачу, но посчитан был отдельно, а половина Мазы, Сиуча⁴⁷ и пустошь Балмасова входили в состав волости Дуброва при условии, конечно, что переписчик не совершил никакой ошибки). Дворов же учтено: крестьянских – 79, бобыльских – 43 (или 29,5% к числу жилых дворов) и 10 пустых. Если принять во внимание только жилые дворы, то их количество по сравнению с 1626 годом увеличилось на 10. Количество бобыльских дворов почти не изменилось: было 42, стало 43. Увеличение количества дворов при одновременном значительном сокращении населённых пунктов говорит, скорее всего, об усилении эксплуатации крестьян помещиками: собранными в одном месте людьми управлять легче. И, как следствие этого, всё увеличивающееся обнищание крестьян. По данным этой же переписи в волости Сухоч проживало 337 душ мужского пола, в том числе в бобыльских дворах 70 человек.

Пустые дворы числились за беглыми крестьянами. Таких дворов в деревне Заэрап⁴⁸ было три, в Нижней и в Бору⁴⁹ по одному. Боровская бобылка Офимьица Митинская жена Федорова с тремя детьми, ниженец Симанка Иванов с сыном и Пронка Трофимов из Заэрапа сбежали неизвестно. Тогда как о новом месте жительства заэрапского бобыля Данилки Минина

с семьёй переписчиками стало известно, они оказались в Углицком уезде в вотчине Симанова монастыря. А зазрапец Офонка Родионов с детьми живут на погосте Ильи Пророка в Петуской Кулиге Белозерского уезда, в общем-то, не так и далеко от родной своей деревни⁵⁰.

Владельцами земли на год проведения переписи были помещики Игнатий Тархов (Шоборово, Новишка, Зазрап), Степан Кобылин (Нижние), Федор Обухов (Верхний Двор), иноземец Иван Горянский (Маза), братья Маурины (Бор), можаитинин Иван Усов (Маза, Кузьминка, Мошницкое).

10

В книге Сергея Шумакова приводится несколько грамот, которые касаются наших мест. На двух из них я остановлюсь.

Отпускная (выводная "памяти") Михаила Васильевича Гарянского грамота, датируемая 26 ноября 1662 года, на вывод замуж Марьи, дочери старосты Григория Гурьева за крестьянина Афанасия Кузмина гласит: *"Память мне... Григорью Гурьеву... Выдал есми дочь свою Марью судом Божиим сватовством... за Афанасья. А выводные куницы по приказу государя своего... взял рубль. В том есми и выводную дал. А выводную писал Сухатицкия волости поп Иван по его Григорьеву веленью"*⁵¹. Так как земли помещиков Горянских и согласно переписи 1645 г., и согласно переписи 1710 г. находятся только в Мазе, значит, и грамота эта касается жителей этой деревни. Правда, не понятно откуда конкретно происходил жених. О нём сказано, что он той же, то есть Сухощкой, волости.

Мировая грамота между помещиком Андреем Ивановым сыном Усовым и слугой Троице-Сергиева монастыря Яковом Ильиным сыном Репьевым составлена 3 июня 1680 г. После пьяной драки между крестьянином деревни Кузьминской Сутского стану Дубровской волости Ивашкою Дмитриевым и монастырским крестьянином деревни Старостина села Танища того же стану Харитонкой Аверкиевым последний умер.

Согласно этой грамоте Андрей Усов «...уступил монастырю «не дожидаясь розыску» за Харитонку (до которого с женою и детьми Андрею однако «дела нет») «своего крестьянина Фадейка Мануйлова с женою и с сыном с Васкою с женою ж и с детьми его Васкиными», с имуществом и хлебом, «да яма целая готового уголья да на яму ж приготовленного лесу воез с полтора, а сжечь ему тот лес на уголье на моей же Андреевой земле». При неотдаче Фадейки Андрей дает монастырю «инога лучшего крестьянина, кого власти изволят, со всеми ж его животы и с хлебом, или денег 2000 рублей», и платить все убытки сполна по сказке монастырских крестьян. При неотдаче же хлеба и сына Фадейки Андрей платит 50 рублей»⁵². Шумаков эту грамоту называет любопытной для истории уголовного права.

11

Перепись 1710 года⁵³ сообщает, что деревни Петушской Кулиги, которые в 1645 году входили в состав Сухотцой волости, в начале XVIII века относились к Бухацкой волости. А Нижняя, Капчино, часть Уйты и воронские деревни (Андроново, Григорьевская и, по всей видимости, Липник) к Воронской Кулиге той же волости. К Сухотцой волости были причислены часть Уйты, Верхний Двор, Сарская, Шоборово⁵⁴, Заэрап⁵⁵, Сиуч⁵⁶, Балмасово⁵⁷, Бор и Маза, всего десять деревень. Общая же численность населённых пунктов на той территории, которая за 65 лет до этого составляла Сухотцкую волость, не уменьшилась. Было 22 селения, стало 23. Владельцами же земель в этот период были помещики Михаил Тархов (Уйта), Гаврил Кобылин (Нижние), Иван Хрипунов (Уйта), сёстры Обуховы⁵⁸ (В. Двор), Гавриил Сухарев (В. Двор), Пётр Языков (В. Двор), Семён Братцов (Шоборово), Алексей Братцов (Заэрап), Иван Спешнев (Заэрап), порутчик Петр Соломеев (Бор), Мауриновы⁵⁹ (Бор), Никита Юрасов (Бор), вдова Устинья Корсакова (Бор), Горянские⁶⁰ (Маза), Иван Козлов (Маза), Дмитрий Усов (Маза), вотчинники Андрей и Иван Усовы (Кузьминская).

Помещечьи усадьбы, по всей видимости, находились в то время только в одной сухачской деревне, в Бору. Там располагались двор 85-летнего Савы Васильева Мауринова⁶¹, двор Ивана Савинова Мауринова⁶², двор Ивана Федотьева Мауринова⁶³, двор вдовы Ильи Михайлова Мауринова Ульяны⁶⁴, двор Никиты Юрасова⁶⁵ и двор семидесятилетней вдовы Устиньи Корсаковой. Не трудно предположить, что все эти люди – потомки названных в переписи 1645 года братьев-наугородцев Василия, Михаила, Богдана Тахановы сыновья Мауриновы.

12

«Приход Сухач когда и кем основан по актам не известно, но должно быть относится к древним временам, – так начинается описание прихода Сухачской Николаевской церкви пятого класса, – он всегда был православным и постоянным. Приход расположен на ровном полуоткрытом месте, окружён несколько лесом, стоит с четверть версты от реки Колпи... ..<находится> на просёлочной дороге и отстоит от городов: Череповца и Устюжны на 80 верст. Сообщение с Устюжною в летнее время неудобно, по причине болот. Граничит с приходами Успенской Сухачской и Троицкой Танищской церкви и с пустопорожними местами разных владельцев»⁶⁶.

Как уже я писал в самом начале этой статьи Никольский приход (приход Сухачской Николаевской церкви)⁶⁷, по всей видимости, был основан в первой половине XVI века. Первое же документальное свидетельство о нём относится к 1585 году. В писцовой книге 1645 года сказано, что на погосте на государевой земле находится церковь Николы Чудотворца⁶⁸. Перепись же 1710 года зафиксировала уже три церкви: Живоначалия Троицы, Николая Чудотворца и Иоанна Богослова. Вновь деревянная церковь была построена в 1800 году, каменная же в 1820-м⁶⁹.

Вот что сообщается о священниках этой церкви в документах⁷⁰ середины XVIII века. В 1729 году Преосвященным Афанасием был рукоположен в Николаевскую Сухачскую церковь Анисим Кириллов. В документе 1763 года, хранящемся

в Вологодском государственном архиве, о нём сказано: *«Престарелый священник Анисим Кириллов вдов и весьма скорбен... Овдовел в 1754 году. Семейства не имеет и живёт при келье, за старостью и скорбью священнослужебных треб отправлять не может»*. Третьего февраля 1755 г. настоятелем храма становится Фёдор Кириаков. Анисим же Кириллов до 1761 года был его помощником. Затем на пост второго священника заступил дьякон⁷¹ Василий Тимофеев.

Дьячком⁷² в 1740 году стал Савва Кириаков. С 1755 года вторым дьячком – Иван Евсеев, который эту должность совмещал с должностью дьячка в капчинской церкви. Пономарями⁷³ в Шоборово были с 1734 года Евсевий Никитин, с 1758 года Иона Евсеев.

А вот на что жил причт Никольской Сухачской церкви в середине XIX века: *«Жалованья 136 рублей серебром в год. Дохода от продажи свеч, сборов кошельковых, кружечных, от богомольцев и продажи хлеба получается, примерно полагая, до 200 рублей серебром»*. Церквей на погосте три: одна каменная и две деревянных. Домов за причтом – пять.

13

Соседний Успенский Сухаческий приход⁷⁴, который располагался на правом берегу Колпи, почти напротив Никольского прихода, в двух верстах от деревни Капчино, возник, судя по всему, в третьей четверти XVII века, так как в переписи 1645 не упоминается, спустя же 65 лет переписчики обнаружили: *"На погосте церковь Успения Пресвятыя Богородицы, церковь Святыя великомученицы Парасковии, здания деревянные"*. А в описании прихода, опубликованном в 1865 году, об этом сказано: *«Погост белее известен под названием Пятницы, по имеющейся Параскевинской церкви. Время, когда основан приход и по какому случаю, с точностью определить нельзя, хотя и были два небольших антимиса⁷⁵, один на небольшом холсте простой работы, без надписи на нём и без мощей, только один крест с изображённым св. (муром), другой*

же антимис на холицовом лоскутке, поболее первого, на нём написано, что он выдан в церковь при царе Алексее Михайловиче, в нём есть вишитая частица и св. мощей»⁷⁶.

Каменная церковь на Успенском погосте была построена в 1841 году, где-то в промежутке между этим и 1865 годом сгорела деревянная церковь Параскевы Пятницы. Вновь деревянная появилась в 1905 году⁷⁷.

«На содержание причта получается 150 рублей в год. Доходов же в церковь поступает в год: от продажи свеч 7 руб., от поднесения в кошелёк и кружку 19 рублей и более, а иногда менее, смотря по добычам прихожан и урожаю хлеба»⁷⁸. В 1863 году в доме дьячка была открыта церковно-приходская школа. Она, судя по всему, самая первая школа в Сухачской волости. В самом начале функционирования в ней обучалось семь мальчиков. Преподавали священник и дьячек. Плата за всех взималась с волости в размере 45 рублей серебром в год⁷⁹.

При приходе с 1851 года существовала пасека, старейшая из известных пасек во всём Белозерском уезде⁸⁰.

14

Во второй половине XVII века в Мазе была построена часовня святого Георгия Победоносца⁸¹. В первой половине XVIII столетия силами и на средства местных жителей появились такие же культовые сооружения в деревнях Бор и Кузьминская. Особенностью боровской часовенки являлся *«высокий, кованный, «процветшей» формы крест...»⁸². «Обычная клетская постройка, – читаем в описании кузьминской часовни Космы и Дамиана в книге «Наше прошлое. Взгляд художника», – имела высокую звонницу с лестницей «стременного» типа. Такая конструкция выводила часовню в круг уникальных памятников архитектуры»⁸³.*

В середине XIX века в Никольском Сухачском приходе уже действовало 4 часовни, а в 1911 году в семи населённых пунктах Боровской волости⁸⁴. Кроме названных выше также в деревнях Нижняя, Заэрап, Куракино⁸⁵.

Некоторые иконы и другие предметы церковного обихода экспедиция, возглавляемая К.К. Морозовым, в 1935 году, после закрытия религиозных учреждений, приняла на хранение в фонды Череповецкого краеведческого музея. И благодаря этому они сохранились до наших дней, а некоторые из них реставрированы, опубликованы и демонстрируются в залах художественного музея г. Череповца. В частности, чуть ли не первозданный облик появился у икон «Святой Иоанн Воин»⁸⁶ и «Мати Дева»⁸⁷ из Никольской Сухачской церкви, у икон «Чудо Георгия о змие», «Великомученица Параскева Пятница» и вкладной деревянной скульптуры Николая Можайского из мазской часовни.

15

Издавна жители волостей, которые прилегали к рекам Чагодоша, Суда, Колпь, занимались добычей железной руды⁸⁸. До сих пор остались следы этого промысла в сухочских лесах и селениях. Чёрную землю, перемешанную со шлаком, можно встретить, думаю, в каждой деревне. А в лесах не мало ям, в которых когда-то выжигали из древесины уголь.

Места богатые рудой находили на болотах по ржавчине, выступающей на поверхность. При этом там, где росли березняки и осинники, руда почиталась лучшей, потому как железо из неё легко выходит. Тогда как под ельниками руда ломче и черствее. Кроме того *«болотная руда залегаёт в берегах р. Суды против д. Кузьминской... в берегах р. Колпи около деревень Шоборово и Верхний Двор»*⁸⁹.

Промышленники вначале копали ямы, затем деревянными лопатами из них доставали руду. Узнавали её по цвету и тяжести. Снимали верхний слой и переносили на высокие и сухие места, складывали в кучи и оставляли для проветривания и просушки. Это делали в августе и начале сентября. Через полтора – два месяца просушенную руду обжигали. Затем в коробах перевозили в свои селения, где каждый промышленник держал её в особливых сусеках подле своего горна. С января по апрель

плавка руды – почти ежедневная работа. Каждая семья имела особый горн, на котором беспрестанно работали по два человека: один дует мехами, другой подкладывает уголь. Не редко на этих работах были заняты и женщины.

«Колхозник деревни Заэрап так описывает домашнюю металлургию (запись 30-х годов): "Домница – это большое горно с открытым верхом. С мехами домница соединяется двумя трубками, стенки домницы сделаны из глины. В это горно насыпается пережженная руда вместе с древесным углем – в прослойку. После чего начинают "дуть кричи". Поступающий воздух через трубку из мехов усиливает горение и плавит руду". После варки железа в домнице с него как бы снимают "пену", то есть домница разламывается, из нее достается горячая крица, кладется на наковальню и проковывается: при перековке из железа удаляется излишний шлак. Получается мягкое, так называемое опарошное железо, дальнейшая перековка и закалка которого давала сталь»⁹⁰.

Для одного горна требовалось до 300 четвериков⁹¹ железной руды, из которой получалось до 180 пудов железа. В писцовой книге 1585 года сказано: «В Дубровском же стану в Суханской волости в Верхней деревне и в ыных 124 горны. И и с того числа в живущем 71 горн, а в пусе 58. А оброку им государева давати з живущих горнов 3 рубля и 18 алтын 2 деньги да пошлин 6 алтын без полуденги»⁹².

В XVII веке "волости Андога и Сухоцкая, ряд сёл и деревень обеспечивали железом Устюжну. С середины XVII века из Белозерья шло железо в Тихвин"⁹³. При Петре Первом в Тырпеце был основан железоделательный завод, который, впрочем, ещё до 1762 года был уничтожен. В конце XVIII – начале XIX века одна крица весом 25 фунтов продавалась обыкновенно не более чем за 25 копеек. Выплавленные крицы или отвозились на продажу в волости, в частности Уломскую и Нелазскую, на тамошние еженедельные торги, или же кузнецы из этих волостей скупали крицы на местах их производства.

Однако в описаниях приходов Сухоцкой волости середины XIX века упоминания об этом промысле не сказано ни слова: *«Промысел у прихожан: зимою возить брёвна на сплав, а весною сгоняют в Шексну и Рыбинск»*⁹⁴.

16

В северных уездах Новгородской губернии лет двести и более назад самой ценной землёй являлись лядины, затем ценились покосы и, наконец, обыкновенная пашня. Для приготовления лядин срубали лес в возрасте от двадцати до сорока лет, оставляли его на месте для сушки до следующего года, а потом сжигали и обрабатывали землю. Урожай на такой земле, как правило, хороший. После трёх – четырёх лет приискивалась новая лядина, старая же бросалась и зарастала лесом. *«Такое хозяйство, – утверждаетсЯ в «Статистических сведениях о Новгородской губернии», – при изобилии лесов и при слишком малом населении может иметь правильный оборот; но для этого надобно, чтобы каждый собственник имел много земли или мог нанимать её и при том это может быть только там, где самый лес не имеет сбыта»*⁹⁵.

В период с 1778 по 1796 год в Новгородской губернии было проведено генеральное межевание земель⁹⁶. При этом межевании в Сухочской волости, в приходах Никольском и Успенском Сухачских было выделено 33 дачи, с № 1009 по № 1020 и с № 1055 по № 1075⁹⁷. Среди них такие, как сельцо Маза, сельцо Бор, д. Нижняя и Гришенские сенные покосы, д. Уйта и пустошь Дубовик, дер. Капчина Гора, село Никольское с деревнями (Заэрпом и Шоборово), сенные покосы по реке Колпь, д. Верхний Двор, пустошь Ширьева и пустошь Любимовка, церковная земля Успенского Сухачского погоста, Остров Капчинский и другие. Общая площадь всех дач составила 48 355 десятин, из них удобная земля занимала площадь 40 026 десятин. В удобной была выделена земля усадебная на площади 64 дес. (0,2 % ко всей удобной земле), пахотная – 4822 дес. (12,1 %), сенокосная – 1416 дес. (3,5 %), лесная – 33 724 дес. (84,2 %).

17

Крестьянская изба ещё в середине XIX века была почти такой же, как и тысячу лет до этого⁹⁸. В углу на деревянном срубе стояла огромная печь, от неё к передней стене шли полки со стоящими на них горшками. В каждой избе полати, на которых спали дети и складывались некоторые вещи крестьянского обихода. По другим стенам расставлены лавки, ещё в одном углу, в красном в божнице образа. Многие избы курные: из-за отсутствия печных труб дым выпускался через отверстие в потолке или стене. По сведениям, которые опубликованы в 1865 году⁹⁹, в деревне Мазе из 13 изб 9 было курных, в Мошницком из трёх – две избы курные, в Кузьминской из 34 – 21 изба, в Шоборово из 17 – 16, в Верхнем Дворе из 33 – 28, в Заэрапе из 39 – 34.

Издавна северный крестьянин любил баню, которая представляла собой низкую лачугу без окон и труб, с небольшими дверьми, чтобы пройти через них, нужно было сильно согнуться. В одном углу бани находилась каменка, в другом прилавок (полок) для того, чтобы париться. Кроме этого, крестьяне часто мылись в печах. Нередко, отмечается в «Статистических сведениях», бывали случаи, что запаривались в них до смерти.

Обед крестьянина большей частью состоял из пустых щей с солью и овсяными крупами и каши. Бывали калиточки или рогульки (рогушки). Завтрак же состоял из хлеба и кваса. Почти все крестьяне ходили в лаптях и вместо свечей жгли лучину.

Осенью, когда завершён обмолот хлеба, обычно в доме какой-нибудь вдовы собирались посиделки (беседы, поседки). На них приходили девицы и парни. Девушки пряли, а парни плели лапти или вязали сети. Также играли в жмурки, пели песни, загадывали загадки.

«...крестьянин, – сообщают «Сведения...», – употребляет водку в излишестве, в особенности по праздникам; вероятно, это зависит от малопитательной пищи, чрезмерных трудов и холодного климата».

Болезни, как правило, лечили заговорами, иногда употребляли осиную кору. *«Но в действительности, – читаем в «Сведениях...», – крестьяне ничем не лечатся; лекарства по их понятиям только те хороши, которые действуют сразу; на продолжительное лечение крестьянин не согласится. Притом и самое лечение для крестьянина почти всегда невозможно, даже если бы он и желал его».* Первый фельдшерский пункт на территории Сухоцкой волости начал принимать пациентов только во второй половине XIX века.

«Крестьяне верили колдунам, злым духам, домовым, лешим, кикиморам, боялись худого глаза, оговора... Повсюду сохранился старинный предрассудок, что встреча со священником приносит несчастье». Одновременно сельский житель имел, как правило, добродушный нрав и жаждал грамотности. Книги на ярмарках распродавались успешно.

Крестьянин был твёрд в православии. Это выражалось в постах и внешних обрядах, в частых крестных ходах, *«особенно во время моровых поветрий и неблагоприятной погоды для урожая».* Крестьяне охотно жертвовали на украшение храма, и даже в местах, где деревни малолюдны и бедны, храмы построены великолепные и живопись в них прекрасная.

18

Согласно сведениям¹⁰⁰, которые были получены в 1858 году в ходе X ревизии податного населения России, в восьми деревнях Николаевского Сухачского прихода, в 155 хозяйствах, из которых состояли эти деревни, проживало 583 мужчины и 662 женщины, всего 1245 человек. За двести лет, за период с 1645 по 1858 годы, мужское население этих мест увеличилось в три с половиной раза. Селений же стало меньше. К середине XIX века перестала существовать деревня Новишка (хотя на топографической карте Новгородской губернии 1847 года эта деревня ещё значится под названием Новинка), не зарегистрировано ни одного жителя в селце Мошницком.

А в Успенском Сухачском приходе, в шести его деревнях, в 109 хозяйствах жили 304 крестьянина и 351 крестьянка, всего 655 человек.

В 1861 году в Российской империи было отменено крепостное право. Это событие привело к значительным изменениям во всех сферах жизни крестьян: и в бытовой, и в экономической, и в общественной. Например, население бывшей Сухацкой волости стало быстро расти, оно увеличилось всего за пятьдесят с небольшим лет более чем в два раза. Но это тема для другой статьи под названием «Боровская волость».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сайт «Храмы России»: <http://www.temple.ru/card.php?ID=7209>
Дата обращения: 14 августа 2024 г.

² Варианты названия волости: Сухач, Сухоцкая, Сухацкая, Сухачская, Сухочская, Сухонская, Сухая.

³ Сочинение это называлось «Описание города Белозерска». Оно дважды опубликовано в XVIII веке: 1. «Исторический и географический месяцеслов на 1789 год» (СПб, 1788 г.), 2. «Собрание сочинений, выбранных из Месяцеслово на разные годы. Ч. 6.» (СПб, 1790 г.). В наше время в краеведческом альманахе «Белозерье», выпуск 3, сс. 62–76.

⁴ Вот как об этом же сказано в первом выпуске «Новгородского сборника» (1965 г., выпуск 1, с. 6): «Во время этих князей Белозерское княжество разбилось на мелкие княжества: Карголемское, Вадбальское, Кемское, Водосское. Ухомское, Сухачское, Осютинское Белосельское и Лозское, княжение которых продолжалось до 1389 года. В Мамаевом побоище все эти князья были перебиты, владения их перешли к великому Московскому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому...»

Об этом же в другом источнике читаем: «В 13 в. <Белозерск> вошёл в состав Ростовского княжества. Первый

князь сего дома был Глеб Василькович, которого преемником был (1278 г.) сын его Михаил Глебович, а по нём наследовал сын его Феодор Михайлович. По смерти сего последнего Ростовское княжество разделилось на многия малые владения, из которых главные были: Белозерск, Карголом, Водос, Кемь, Ухтом, Сухач, Асетин, Лозе и пр. Все они существовали до нашествия татар-монголов под предводительством хана Мамай в 1339 г. Все князья сих владений участвовали в походе с московским великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским, и поглубили в тогдашнем главном сражении.

В 1389 г. Белозерское княжение дано в удел можайскому князю Андрею Дмитриевичу, сыну великого князя московского Дмитрия Иоанновича».

⁵ А. И. Копанев «История землевладения Белозерского края XV – начала XVII вв.» (далее – Копанев), сс. 209, 231, 244.

⁶ Ю. И. Чайкина. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь, Архангельск, 1988 г. (далее – Чайкина).

⁷ Кстати, в «Писцовой книге езовых дворцовых волостей и государевых угодий Белозерского уезда 1585 года» деревня имеет название Верхняя (Институт истории СССР, Москва-Ленинград, 1984 г., с. 177), волость же названа Суханской.

⁸ Сергей Шумаков. «Обзор «грамот коллегии экономии». Выпуск второй. Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758 гг.)», Москва, 1900 г. (далее – Шумаков), с. 172–173

⁹ «Начало эпохи средневековья на территории Вологодской области ознаменовалось важнейшим событием – появлением славян... Долгое время считалось, что славяне начинают осваивать территорию современной Вологодской области не ранее VIII в. н. э. Более ранние славянские памятники были обнаружены и раскопаны Северорусской археологической экспедицией под руководством А. Н. Башенькина в 1980–1990 гг. В V в. н. э. западных районов нашего края достигли группы

славян, продвигаясь с юго-запада, с территорий современных Новгородской и Тверской областей. Интересно, что места для поселений славяне выбирали такие же, как и местное финно-угорское население: это высокие красивые берега рек, в сосновых борах, рядом с которыми есть обширные пойменные луга. Некоторые славянские поселения находятся в непосредственной близости от финно-угорских. По-видимому, там, где появлялись славяне, финно-угорское население было вытеснено или ассимилировано ими.

Основные районы освоения в V–VIII веках – это берега рек Чагоды, Кобожи, Мологи, Песи. Ученые считают, что первые славянские поселенцы были кривичами – сложным этническим образованием, славяно-балтским в своей основе.

По каким-то причинам поселения и курганные могильники кривичей к IX в. прекращают свое существование. Возможно, сказалось изменение климата.

В VIII–IX вв. на территорию западной части области продвигается новая волна славянского населения. Так же, как и предшественники, они идут с юго-запада, со стороны новгородских земель. Это словене ильменские (новгородские) – племенной союз, сформировавшийся на территории вокруг озера Ильмень. Основу их хозяйства составляло пашенное земледелие, а маркируют места первоначального освоения словенскими землями сопки – высокие конусообразные «крутобокие» насыпи, стоящие на пойменных лугах, на полях, а не в сосновых борах, как высокие насыпи кривичей.

Словене новгородские прошли теми же путями, что и кривичи: по рекам Мологе, Кобоже, Чагоде, Песи, Чагодоце. Начинают осваивать и более мелкие реки Смердомля, Катъ, Ратца, Белая. Поселения словен до XI в. – только селища. В XI в. возникает несколько городищ. Неукрепленные селища были «привязаны» к обширным долинам и пологим береговым террасам. Они характеризуются более плодородными супесчанистыми и песчано-суглинистыми почвами и более пригодны для пашенного

земледелия. Очевидно, что меняется и состав стада, – теперь оно должно включать необходимое количество рабочего скота. Уменьшается роль подсобных занятий, например, рыболовства. Однако в изготовлении керамики, в металлообработке и ряде других направлений хозяйственной деятельности сохраняются прежние традиции. Исследователи отмечают, что черты производящего хозяйства у словен были более развиты, чем у кривичей или местного финно-угорского населения.

Из района первоначального освоения в конце IX–X вв. началось продвижение славянского населения на р. Колпь и на территорию современного Бабаевского района. По археологическим памятникам хорошо прослеживается путь продвижения славян по рекам: Чагода-Лидь-Волочня-Колпь. Несомненно, что р. Колпь была заселена с запада. Наиболее ранний славянский могильник на Колпи открыт у пос. Верхневольск близ волока с р. Лидь. В конце X– начале XI вв. на Колпи почти одновременно возникают десять новых могильников и соответствующих им поселений у деревень Новинки, Тимошкино, Ярцево, Степаново, Дудино, Володино. Могильники на Колпи почти полностью раскопаны (А. В. Никитин, Н. В. Тухтина, Н. В. Гуслистов, А. Н. Башенькин) содержат большое число хорошо датированных вещей, монет. Можно выяснить примерную численность коллективов, осваивавших Колпь. Расчеты по всем могильникам показывают, что в одном поколении насчитывалось от двух до восьми взрослых людей. Небольшие размеры поселений при могильниках также подтверждают предположение, что эти поселения состояли из 1–4 домов. С учетом детей численность коллективов могла составлять от 10 до 40 человек.

Из бассейна среднего течения Колпи славянское население пыталось освоить среднюю Суду, где возникают курганные группы XI–XIII вв. у деревень Кананьевская, Бережок. Однако, по-видимому, вследствие большой плотности финно-угорского (весского) населения на р. Суде это движение не получило широких масштабов. На средней и верхней Суде

до середины XIII века существует самобытная финно-угорская культура. Потомки древней веси – современные вепсы – проживают в бассейне Суды до настоящего времени». (ТАЙНЫ ЗЕМЛИ ВОЛОГОДСКОЙ: Методические рекомендации к занятиям по археологии для учителей общеобразовательных учебных заведений и педагогов дополнительного образования, Вологда, «Древности Севера», 2004 г.)

¹⁰ Александр Яковлевич Брюсов – советский археолог, брат поэта Серебряного века Валерия Брюсова. С 1926 года возглавлял ряд экспедиций, работавших на Русском Севере, в том числе многолетние работы в Карелии и Вологодской и Новгородской областях и др.

¹¹ Очерки по истории русской деревни X–XIII вв: Том первый, Москва, 1951 г., с. 185.

¹² Кадуйские зори. Кадуй, 1995 г., с. 6–7.

¹³ Кадуйская районная газета «Наше время» (далее – Наше время), № 129 от 3 ноября 2007 г.

¹⁴ Краеведческий альманах «Кадуй», Вологда, «Русь», 2005 г. (далее – Кадуй), с. 102.

¹⁵ Новгородский сборник, выпуск 1, Издание Новгородского статистического комитета под редакцией Н. Богословского, Новгород, 1865 г. (далее – Новгородский сборник), с. 235.

¹⁶ Авторы книги «Родословие вологодской деревни» к древнейшим относят также и деревню Куракино. По их мнению, первое упоминание этой деревни в исторических источниках тоже относится к 1626 году. И при этом источником этой информации для них служат три карты, составленные историком А. И. Копаневым в середине XX века. Ни на карте А. И. Копанёва, ни в им же составленном списке населённых мест нет деревни Куракино. Эта первая нестыковка. Вторая. Первое упоминание деревни Верхний Двор авторы «Родословия...» тоже относят к 1626 году, тогда как по сведениям А. И. Копанева деревня

Верхний Двор, как и Никольский приход, встречаются и в Копийной книге. Запись эта датируется 1584/85 годом. Третья. По мнению авторов «Родословия...» название деревни Мошницкое по документу первого упоминания Мошенок, по данным А.И. Копанёва – Мошенник. Четвёртая. Как можно понять из таблицы, в момент первого упоминания мазских деревень они были населены черносошными крестьянами. Тогда как, как выяснил А. И. Копанёв ещё в середине прошлого века, испомещивание волости Сухоч началось в начале 1613 года.

¹⁷ Александр Дудкин «Из истории Мазы», Историко-краеведческий урнал учредений культуры Кадуйского муниципального района «Светец» (далее – Светец), № 2, 2015 г., сс. 5–25.

¹⁸ История деревни Мошницкой изложена мною в статье «Морозовы – мошницкие священники»: Светец, 2015 г., № 2, с. 64.

¹⁹ Возможно, те, кто в наше время расшифровывал Перепись, сделали ошибку и первую букву в слове «Сухачкой» прочитали как «Б» вместо «С».

²⁰ Ежегодник Государственного исторического музея. 1958., с. 61–62. Состав поступившей в ГИМ части клада: Михаил Федорович, копейки – 1 экз. с буквами НГ, 2 экз. с буквами ПС, 10 экз. МОС:КВА, 3 экз. с буквами МО, 3 экз. с буквой М, 2 экз. с монограммой М раннего типа, до 1626 г., 2 экз. МОС:КВА с буквами К и Ц по сторонам всадника, 1 экз. с монограммой М, с буквами ОБ перед мордой коня, 33 экз. с монограммой М, разных штемпелей, после 1626 г., неопределенные, плохой сохранности – 3 экз.; Алексей Михайлович, копейки – 34 экз. с монограммой М.

²¹ Согласно переписи 1710 года земли деревни были за Алексеем Стефановым сыном Братцовым и за Иваном Емельяновым сыном Спешневым.

²² Чайкина.

²³ Это не означает, что в действительности деревню называли таким странным именем, это значит только то, что переписчик полностью не разобрал почерк оригинала и прочитал так, как прочитал.

²⁴ Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР» (Муниципальное учреждение культуры. Каду́йский районный центр народной традиционной культуры и ремесел). АФД – 025. Вологодская область, Каду́йский район, Мазский с/с, д. Заэрап. 25.07.95. Гр. Зуева Т.А.

²⁵ Копанев, с. 9.

²⁶ Слова, которые близки по написанию к слову капчино Карас (лет.) означают – курган, могила; карċius (лет.) – насыпь, бугорок (http://veras.litvin.org/042_10.html Дата обращения: январь 1912 г.). Возможно, появление этого названия каким-то образом связано со стоявшей в этих местах в начале семнадцатого века литвой (версия Н. Н. Миняевой). Но более вероятной версией происхождения названия деревни является та, которую предложил А.П. Петин: скорее всего рядом с деревней в языческие времена находилось капище – место поклонения богам, языческий храм.

²⁷ УЙТА "чистое моховое безлесное болото", арханг., устюжск. (Даль). Из фин. *uitti* "перешеек между двумя протоками", *uittu* "маленький залив", водск. *uitto* "лужа"; см. Калима 231; FUF 18, 40. Менее вероятно ввиду географии слова произведение из коми *uit* "пойменный луг, выгон" (Калима, там же), потому что последнее считают заимств. из ханты; ср. Вихм. – Утила 344; Кальман, *Acta Lingu. Hung.* I, 260. (Этимологический русскоязычный словарь Фасмера.)

²⁸ Список с писцовой книги Белозерского уезда 1678 г. ЦГАДА, ф. 1209, к. 12758, л. 95: Чайкина.

²⁹ Копанев, с. 250.

³⁰ Каду́й, с. 205.

³¹ Из материалов Каду́йского краеведческого музея.

³² Н. Ардашев «Из истории XVII века. Очищение русской земли. Поход Черкас». Историк своё сочинение писал в том числе и на основе «доездной памяти» Петруни Сотникова сына Попова.

³³ Новгородский сборник, с. 234.

³⁴ Там же, с. 237.

³⁵ И. В. Пугач. Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство»: <http://www.booksite.ru/fulltext/us/tyu/jna/11.htm> Дата обращения: 15 августа 2024 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, <http://www.booksite.ru/fulltext/us/tyu/jna/2.htm>. Дата обращения: 15 августа 2024 г.

³⁸ Копанев, с. 73.

³⁹ Столбцы с № 18 по № 22 сставов Поместного приказа № 33458: Копанев с. 74.

⁴⁰ Поместный приказ – центральное государственное учреждение России середины XVI – начала XVIII веков. Поместный приказ был образован в середине 1550-х годов в связи с военными и земельными реформами в результате выделения круга дел, исполнявшихся ранее в ведомствах Казенного приказа, Большого и областных дворцов. Первоначально назывался Поместной избой. Приказ наделял служилых людей поместьями (по окладам, установленным в Разрядном приказе), ведал фондом «пустых» поместных земель, регистрировал и контролировал изменения в сфере землевладения (поместного, светского и церковного вотчинного); проводил общие и частные описания земель и переписи населения, в связи с чем ведал в XVII веке сыском беглых крестьян; играл роль центральной судебной инстанции по земельным делам. Поместный приказ исполнял функции центральной судебной инстанции по земельным тяжбам.

⁴¹ Дворцовые земли (волости) – это те земли, которые были населены дворцовыми крестьянами, принадлежавшими лично царю и членам царской фамилии. Дворцовое землевладение складывается в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). Основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение великокняжеского (позже – царского) двора продовольствием. Уже с конца XV в. дворцовыми крестьянами и землями управляли различные специальные дворцовые учреждения. Дворцовые волости на местах до начала XVIII в. управлялись приказчиками, а потом – управителями. В дворцовых волостях существовало местное самоуправление. В конце XV – начале XVIII вв. дворцовые крестьяне платили натуральный или денежный оброк или то и другое одновременно, поставляли хлеб, мясо, яйца, рыбу, мёд и пр., выполняли различные дворцовые работы и поставляли на своих подводах ко двору продовольствие, дрова и т. д.

⁴² Копанев, с. 82.

⁴³ Четверть (четь) – составляла 40 сажень длины и 30 широты. Сажень – 1 сажень = 3 аршина = 7 фут = 48 вершков = 2,1336 метра.

⁴⁴ ЦГАДА (в настоящее время – РГАДА), Писцовая книга № 592, лл. 635 – 678: Копанев, с. 80–81.

⁴⁵ Копанев, с. 84–85.

⁴⁶ Перепись 1646 года в отличие предыдущих писцовых описаний была, прежде всего, учетом населения. Переписчики записывали всех облагаемых податями лиц мужского пола, включая детей (последних – с указанием возраста). Результаты переписи сослужили тогда двойную службу – стали юридической основой для еще большего закрепощения крестьян и базой для взимания налогов http://okrlib.ru/proekty/perepis_naseleniya/1646_god_istoriya_odnoj_perepisi/ Дата обращения: январь 2012 г.).

⁴⁷ В писцовой книге – Сивда Горелый.

⁴⁸ В писцовой книге – Зарепье.

⁴⁹ В писцовой книге – Борок.

⁵⁰ Кадуй, с. 206, 210, 211.

⁵¹ Шумаков, с. 30

⁵² Шумаков, с. 21.

⁵³ <http://census1710.narod.ru/> Дата обращения: 15 августа 2024 г.

⁵⁴ В переписи – Шобурово.

⁵⁵ В переписи – Арапье.

⁵⁶ В переписи – Смвуч Горевой.

⁵⁷ В переписи – Балмаково.

⁵⁸ «Волость Сухач, за Ф.И.Обуховым в поместье полдеревни Верхнего Двора» (СПК Белоз 1678, л.96).

⁵⁹ Мауриновы: Сава Васильев, Иван Савинов, Иван Федотьев, вдова Ульяна Ильинская жена Михайлова сына Мауринова.

⁶⁰ Горянские: Иван Иевлев, Петр Никитин, Анисья и Ирина Гавриловы.

⁶¹ Во дворе жил он сам, жена его Марья (70 лет), сын Дмитрий и его жена Анна. Сыновья же его Стефан, Артемий, Афонасий, Кондратей, Кирило взяты в драгуны.

⁶² Во дворе жила его жена Настасья и дочери его четырёхлетняя Авдотья и десятимесячная Мавра. Сам же Иван в 1709 году был взят в драгуны.

⁶³ Во дворе жила его шестидесятилетняя жена Федосья и их дочь Варвара. Сам же Иван взят в драгуны ещё в 1702 году, а в нынешнем в 1710 году взят в драгуны сын его Федор. Брат Ивана Гаврило тридцати лет тоже взят в драгуны и служит в Новгородском полку.

⁶⁴ Сыновья же Ульяны Петр, Михайло, Афонасий и Герасим в драгунах.

⁶⁵ Во дворе живёт жена его Мавра и дочь Варвара, сам же Никита в драгунах с 1700 года.

⁶⁶ Новгородский сборник, с. 234.

⁶⁷ Подробнее о приходе и его священниках см. статью И. Орищенко «Последние шоборовские священники»: Наше время, № 48 от 25 апреля 2009 г.

⁶⁸ Кадуй, с. 205.

⁶⁹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1915 год, с. 277.

⁷⁰ Информация взята с сайта Ирины Орищенко «Белоликовы»: <http://belolikovi.narod.ru/> Дата обращения: январь 2012 г.

⁷¹ Дьякон – третий чин священнослужителей в православной церкви. Дьяконы находятся на низшей ступени церковной иерархии (за архиереями и священниками).

⁷² Дьячок – в русской православной церкви служитель, помогающий священнику во время богослужения. Принадлежал до 1868 г. к духовному сословию, затем назван псаломщиком.

⁷³ Пономарь – служитель православной церкви, обязанный звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении.

⁷⁴ С конца XVII века Верхний Двор, Шоборово, Заэрап, Бор, Маза, Мошническое, а также сиучская округа и устюженская деревня Нива относились к Николаевскому Сухачскому приходу. А Нижняя, Уйта, Капчино и воронские деревни к Успенскому Сухачскому. Кроме этого, часть крестьян деревень Мазы и Мошницкого были приписаны к приходу Троицкой Танищской церкви.

⁷⁵ Антимис – освященный плат, который расстилается на престоле во время литургии.

⁷⁶ Новгородский сборник, с. 237.

⁷⁷ Подробнее о приходе и его священниках см. статью И. Орищенко «Капчинский приход и его священники»: Наше время, № 147 от 19 декабря 2009 г.

⁷⁸ Новгородский сборник, с. 238.

⁷⁹ Новгородский сборник, с. 239; Таблица обучающихся грамоте из крестьян Белозерского уезда, вышедших из крепостной зависимости.

⁸⁰ Л. Л. Чухин. Пчеловодство в Белозерском крае в XIX – начале XX вв.: Вестник Кирилло-Белозерского монастыря, вып. 6, декабрь 2004 г.: <http://kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=2999>
Дата обращения: 15 августа 2024 г.

⁸¹ Подробно о мазской часовне см. мою статью.

⁸² «Наше прошлое. Взгляд художника», Вологда, 2009 г.

⁸³ Там же.

⁸⁴ В состав Боровской волости входили Сухачский Никольский, Сухачский Успенский приходы и часть Троицкого Танищского (деревни Куракино, Усть-Колпь, Пименово, Заяцкое).

⁸⁵ Список населённым мест Новгородской губернии. Выпуск XI. Белозерский уезд. Составлен под редакцией секретаря Новгородского губернского статистического комитета Н. П. Володина. Новгород, 1912 г.

⁸⁶ Начало XIX века. Реставрация ВХНРЦ, 2003 г., реставратор – Дунаева Н. В. Публикации: Древние лики, кат. 74; О. В. Куликова. Древние лики Русского Севера. Из музейного собрания икон XIV–XIX веков города Череповца. 2009 г., кат. 112.

⁸⁷ Конец XVIII – первая четверть XIX века. Реставрация: Вологодский филиал ВХНРЦ, 1995 г., реставратор – Рыбаков Г. А. Публикация: О. В. Куликова. Древние лики Русского Севера. Из музейного собрания икон XIV–XIX веков города Череповца. 2009 г., кат. 96.

⁸⁸ Настоящая глава написана на основании раздела «Сведение о железных рудах, находящихся в Новгородской губернии» книги Н. Озерецковского «Обозрение мест от С.-Петербурга до Старой Русы в 1805 г.», напечатанной в 1808 г. в С-Пб. Выдержки из книги опубликованы в «Памятной книжке Новгородской губернии на 1863 год»: с. 36–42.

⁸⁹ Александр Брагин, Железное поле: очерк.
[https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/209450-aleksandr-bragin-zheleznoe-pole .html#boo](https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/209450-aleksandr-bragin-zheleznoe-pole.html#boo) Дата обращения: 15 августа 2024 г.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ 1 четверик ("мера") = 2,624 декалитра = 26,24 литра.

⁹² «Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оборочных угодий Белозерского уезда 1585 года», под редакцией А.Г. Манькова, Институт истории СССР, Ленинградское отделение, Москва-Ленинград, 1984 г., с. 177.

⁹³ "История Вологодского края XVII–XVIII веков. Учебное пособие. Вологда, 2005 г., с. 12.

⁹⁴ Новгородский сборник, с. 238–239.

⁹⁵ Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год, с. 139–140.

⁹⁶ Генеральное межевание, проводившиеся в России с 1765 г. и до конца XVIII века, предполагало обмер всех земель в государстве. Оно приписывало земли не к именам владельцев, но к селениям и пустошам, и первоначально ограничивало каждое поселение и каждую пустошь отдельно, а впоследствии для облегчения довольствовались разграничением владения от владения и ведомства от ведомства. Генеральное межевание сверх того приводит в известность количество земель в целом государстве и собирает все сведения, необходимые для хорошего управления землями.

⁹⁷ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 1. Белозерский уезд, Новгород, 1889 г., с. 318–340.

⁹⁸ При написании этой главы использованы сведения из раздела «Быт жителей, образование»: Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год, с. 167–171.

⁹⁹ Новгородский сборник, с. 235–236.

¹⁰⁰ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 3. Белозерский уезд, Новгород, 1910 г.

ГОВОРУНОВ И ПРОТЕСТУЮЩИХ В СЕЛЬСКИЕ СТАРОСТЫ

В 2011 году отмечалось 150-летие отмены крепостного права в России. И как раз в дни, когда на государственном уровне вспоминали это событие, кардинально изменившее и быт, и социальное положение русского человека, мне попались на глаза записки Н. А. Качалова¹, который с 1854 по 1863 год служил предводителем дворянства Белозерского уезда Новгородской губернии, а впоследствии стал архангельским губернатором. Николай Александрович подробно описывает, как в наших краях происходило объявление Манифеста 19 февраля. Напомню, что две нынешние кадуйские территории – Мазское и Барановское муниципальные образования – до 20-х годов прошлого века были белозерскими, а до 1885 года к Белозерскому уезду относилась и Смердячевская волость² (деревни Смердяч, Горка, Вершина, Малофеево, Холмище, Крыльцово, Прямиково, Верховье).

Во-первых, Качалов отмечает, что даже предводители не знали, на чём остановится правительство. Большинство помещиков считало, что они полностью лишатся своего состояния. Одна часть крепостных была уверена в том, что рано или поздно свобода им будет дарована, другая, преимущественно состоявшая из людей старых, не верила в это и ехидно замечала, что свобода будет тогда, когда появится белая ворона. Впрочем, с улыбкой пишет Николай Александрович, белая ворона всё же появилась в Екатерининском саду в 1859 или в 1860 году. Вначале думали, что она кем-то была выкрашена, но когда поймали, то убедились, что белый цвет её собственный.

Во-вторых, люди с самого начала 1861 года напряжённо ожидали объявления Манифеста. У всех – и у крестьян, и у их хозяев – нервы были сильно натянуты, ходило множество разнообразных и нелепых слухов. В конце февраля толпы народа стали приходить в уездный город за справками, пошли толки, что воля объявлена, но местное начальство скрывает это. Чтобы

не было никаких беспорядков, чтобы вовремя принимать успокоительные меры, Н.А. Качалов постоянно находился в Белозерске. Все свои распоряжения делал гласными, объяснял, что как только манифест доставят, сразу же его объявит. Выполнил всё, что необходимо для рассылки по приходам этого документа, подготовил одного голосистого священника, способного ясно прочесть текст.

В-третьих, Николай Александрович сетует на непростительную небрежность и непрактичность чиновников-распорядителей. Тюки с положением отправили на подводах, но так как зимний путь уже испортился, во многих местах наступила распутица, то тюки везли медленно, некоторые из них подмокли. В Белозерск они были доставлены в ночь с 4-е на 5-е марта³.

«5-го марта, – рассказывает Качалов, – колокольным звоном в соборе, было заявлено об акте объявления Манифеста. Собрано было всё духовенство, и служба была обставлена с возможною для уездного города торжественностью. После литургии был прочитан Манифест, и потом отслужен благодарственный молебен. Я следил, какое впечатление произведет на народ Манифест, и ясно было видно, что никто ничего не понял, свободы никакой не оказалось, все, понуря головы, направились к выходу из собора. Действительно, даже вполне грамотному было невозможно уяснить себе новое положение, а неграмотному оно было окончательно непонятно. Манифест был написан напыщенно высоким слогом, и, кроме трескучих фраз, ничего не объяснял простому человеку. На 2 года крестьянам приказывается ходить на барщину, дворовым по-прежнему служить помещику, что положительно не вязалось в понятиях крестьян с дарованной свободой. Я это предвидел и, чтобы не распустить слушателей по уезду в таком настроении, поручил полиции не выпускать никого из собора, взошел на амвон и, с разрешения протопопа, разъяснил главные основания нового положения, получаемые крепостными выгоды и необходимость в течение 2-х летнего срока сохранить прежние отношения к своим помещикам».

Затѣмъ Николай Александровичъ Качаловъ составилъ маршрутъ поездокъ по уѣзду и побывалъ въ 20-ти населённыхъ пунктахъ, въ которыхъ собиралъ крестьянъ изъ близлежащихъ селеній и разъяснялъ имъ Манифестъ и положеніе. «Конечно, не обходилось дѣло безъ возраженій и недоверчивости со стороны крестьянъ, – вспоминаетъ Н. А. Качаловъ, – но до беспорядковъ дѣло не доходило. Въ каждой вотчинѣ оказывались говоруны и протестующіе, но этихъ-то говоруновъ я назначалъ сельскими старостами и ответственными за всю вотчину, какъ по сохраненію вообще порядка, такъ и по исполненію Положенія и оставленныхъ на крестьянахъ повинностей. Мѣра эта очень удалась. Сколько я помню, такихъ сельскихъ старостъ я установилъ до 160 человекъ; это все были мужики горластые и вліятельные и, поставленные въ ответственное положеніе, не только не мутили свои вотчины, но хлопотали о сохраненіи порядка».

МОРОЗОВЫ – МОШНИЦКИЕ ПОМЕЩИКИ

В своих записках Н.А. Качалов останавливается на событии 1859–60 годов, которое непосредственно относится к нашим местам, а именно к деревням Усть-Колпи, Заяцкому, Пименово.

Но обо всём по порядку.

В вышедшей в 1995 году книге «Кадуийские зори», которая рассказывает об истории нашего района, упоминается об одном происшествии первой половины XIX века.

«Растущей эксплуатации и издевательствам помещиков, – говорится в книге, – крестьяне оказывали сопротивление. В деревне Мошницкое (недалеко от Мазы)⁶ барин Морозов издевался над крестьянами, и они однажды устроили засаду на него, когда он пошёл в баню. В бане они посадили барина в котёл с горячей водой, а когда он умер, одели его и подбросили в дом, а сами разбежались»⁶.

Это событие сохранилось не только в исторических очерках, но и в человеческой памяти. Ещё в 50-ые годы прошлого века бабушка А.Д. Козлова (сейчас он живёт в Петрозаводске и активно занимается составлением своей родословной), Мария Садофьева, упоминала об убийстве барина. «Отец дедушки, – написал мне Альберт Дмитриевич, – был сыном помещика Морозова и дворовой девушки. Барин отдал его бездетным крепостным Алексею и Катерине. Они не хотели его брать, Катерина сбежала и пряталась, и тогда Алексея выпороли... Морозов же был убит в бане. Так что отчество и фамилию мой прадед получил от приемного отца». А. Д. Козлов решил найти документальные свидетельства, подтверждающие рассказ его бабушки. И вот, что обнаружил.

В 1797 году император Павел I указом от 16 апреля⁷ пожаловал гвардии капитану Семеновского полка Ивану Морозову 150 душ в деревнях Горка, Еремеева, Торчилова, Алеканова, Старостина, Заручевье, Кочкарева Троицко-Танищенской волости Белозерского уезда Новгородской

губернии. Помещицья усадьба находилась в селце Мошницком. Ещё до женитьбы на Александре Дмитриевне у Ивана Прокофьевича Морозова от женщины, с которой он жил в невенчанном браке, родилось двое детей: сын Дмитрий и дочь Елизавета. Хотя эти дети и были незаконнорожденными, но они носили фамилию своего отца и содержались на его средства. Они воспитывались в Туле, в Успенском Девичьем монастыре. Дмитрий из мещанского сословия благодаря, предполагаю, стараниям отца переведён в дворянское, а в 1836 году, по всей видимости, поступил в военное училище. Елизавета в 1848 году вышла замуж за писца 1 разряда из дворян Александра Шувалова. После того, как И. П. Морозов скончался, жена его по его завещанию получала имение Мошницкое с деревнями. В 1847 году она большую часть имения продала сыну своего мужа Дмитрию Ивановичу Морозову. Он и до покупки часто, как правило, тёплое время года, приезжал в Мошницкое, так как местные крестьяне прозвали его «заезжим помещиком», «заезжим баринoм». Вот он и был убит в октябре 1848 года в бане в возрасте 26-ти лет.

После его неожиданной смерти через публикацию 9 апреля 1849 года было объявлено о вызове наследников, кредиторов и должников покойного, а само имение было взято в опеку государством на 10 лет до 1958 года.

Разбирательство этого дела было начато 13 июня 1858 года, и закончено 13 ноября 1859 года. Права на наследство заявила Елизавета Шувалова. Между тем крестьяне предъявили в судебных местах иск о предоставлении им свободы из крепостного состояния, ибо действительный статский советник Иван Морозов в своём завещании объявил, что он законных детей не имеет. И поэтому Белозерский уездный суд отклонил притязания Е. И. Шуваловой. Таким образом, имение Д. Морозова по решению суда признавалось выморочным и в соответствии с Указом Правительствующего Сената от 2 июня 1858 года принято в казну.

В 1858 году, согласно документам дела, имение в своём составе, кроме сельца Мошницкого, имело деревни: Заручевье, Горки, Еремеево, Торчилово, Алеканово, Старостино и часть Мазы (18 душ). В них проживало 140 мужчин и 139 женщин. Общая площадь его равнялась 2782 десятинам.

В сельце же Мошницком находилась господская постройка: одноэтажный, четырёхстенный с двумя перегородками флигель, четыре избы разных размеров, пять амбаров, в том числе три хлебных, два погреба, курятник и конюшня в одной связи, скотный двор, баня, два овина, мякинница, ещё один двор, два небольших хлева, две пелевки. В отчёте отмечается, что вся постройка ветхая и некоторая вовсе негодная к употреблению. Во флигеле имелась мебель – стол и стулья простые деревянные. Кроме этого, в Алеканове находился особый запасной хлебный магазин.

Господский скот – это одна лошадь, 12 коров, 5 быков, 7 нетелей, 3 телёнка, 3 овцы, 4 куры и петух. Хлеба в зерне имелось: ржи – 43 четверти⁸, овса – около 53 четвертей, жита – 9 четвертей, ярицы – 1 четверть и 1 четверик. Хлеба, не молоченного в скирдах – 300 суслонов ржи. И 15 четвертей хлеба, посеянного к 1859 году, находились в земле.

«При имении состоит дворовых людей, – говорится в отчёте о приёме в Казённое Ведомство наследства Дмитрия Морозова, – три мужского пола души, но из них один только работник, а прочие старики, имеющие отроду более 60 лет, чего для населения господского сельца Мошницкого крайне недостаточно, почему и признаётся полезным выселить их как неимеющих никакой оседлости по количеству земли в деревню Мазу, снабдив для первоначального обзаведения из господского скота одной лошастью и двумя коровами и на обустройку лесом из принадлежащих к имению дач... Господскую запашку при сельце Мошницком обратить в оброчную статью⁹»¹⁰. Крестьянам других деревень имения была предоставлена свобода и они были признаны выморочными¹¹.

Ещё одну часть своего состояния, находящегося в Белозерском уезде, помещица Морозова решила продать

в 1859 году. Вот о столкновении с нею в этой связи и вспоминает Н. А. Качалов в своих записках. Он пишет: «Морозовой принадлежали небольшая деревня с малым количеством плохой земли в Вадболе и большая дача в Сухаче, с небольшой деревней на Усть-Колпе, т. е. при впадении реки Колпи в Суду. На покупку всей Сухачской дачи нашелся покупатель за хорошую цену, но требовал, чтобы крестьяне были перевезены. Морозова оказалась кулак-баба и, снюхавшись в Белозерске с полицией, придумала следующую механику: при крепостном праве помещик мог по ревизии записывать крестьян, где ему было угодно, правительство наблюдало только за общим счетом ревизских душ каждого помещика. На основании этого права, Морозова всех крестьян, живущих в деревне Усть-Колпе, писала по многим ревизиям по Вадболу, следовательно, земля по Сухачу, по бумагам, была не населенная. Пользуясь этим, Морозова подала прошение исправнику, что крестьяне самовольно поселились в Усть-Колпи, и она требует, чтобы полиция перевезла их в Вадбол, где они записаны по ревизии, и полиция была готова исполнить это варварское требование. Я, конечно, остановил полицию, так как переселение не могло состояться без согласия предводителя, и доказал, что при деревне Усть-Колпе несколько лет была помещичья запашка, куда эти крестьяне ходили на барщину, помещица несколько раз посещала эту запашку и видела не только живущих тут крестьян, но даже на нее работающих... Морозова отправилась в Петербург, и нашла себе защитника в директоре департамента Министерства Внутренних дел Гвоздеве, имевшем тогда громадное влияние на министра Ланского, человека честного, искренно-преданного крестьянской реформе и много для этого поработавшего. Вероятно, Гвоздев выставил Морозову жертвой, а меня гонителем... В одно прекрасное утро я получаю письмо от бывшего тогда губернским предводителем, Николая Павловича Бахметьева, человека доброго, но не дальнего, который уведомляет, что его вызывал министр Ланской, и высказал с большим раздражением сильное неудовольствие на меня за мои действия по делу Морозовой, и Бахметьев умолял меня отступить от этого

дела. Я отвечал Бахметьеву, что действия мои по делу Морозовой основаны на буквальном смысле правил о переселении, и настоящее уведомление Бахметьева, что министр Ланской требует от меня с угрозами не исполнять этих правил, я считаю, по меньшей мере, недоразумением. Бахметьев вынужден был представить мой ответ министру; и Ланской объявил, чтобы ему не вспоминали фамилий Качалова и Морозовой. Интрига эта разрушилась, крестьяне остались на своем месте, где и получили надел. В Петербурге я был у Морозовой по ее приглашению, объяснения наши, конечно, оказались бесплодными, и в заключение она заявила, что она много в жизни перенесла несчастий, но из них самое главное, что судьба столкнула ее со мной».

Но и сами крестьяне деревень Заяцкой, Усть-Колпи и Новой Пименова не только роптали. 17 декабря 1859 года они подали прошение на имя министра внутренних дел С. С. Ланского, в котором сообщили, что в 1847 году помещица Александра Дмитриевна Морозова 122 души из 132-х, состоящие в её крепостном владении, продала подпоручику Дмитрию Морозову. Оставшихся за помещицей 10 душ переселила из деревень Алеканово и Еремеево в деревню Усть-Колпь, близ которой в деревне Заяцкой ею был устроен скотный двор и разведено хлебопашество. В 1853 году туда же ею были переселены ещё две души мужского пола из дворовых людей из имения, находящегося в Калужской губернии. «Но ныне мы узнали, – продолжали крестьяне, – что помещица наша г. Морозова в апреле месяце сего года всю оставшуюся землю свою в Троицко-Танищенской волости, на которой мы поселены ею, продала московскому купцу Федору Яковлеву Свешникову, а нас условилась переселить в течение года в дер. Кочкарева Вадбальской волости, отстоящей от места обитания нашего на расстоянии 70 вёрст по предлогу тем, что будто бы мы переселились из указанной деревни Кочкарева самовольно»¹². Крестьяне просят министра защитить их от притеснений помещицы, приняв во внимание те обстоятельства, которые уже в своих записках изложил Н. А. Качалов.

Этот крестьянский протест был замечен советскими историками. Факт подачи прошения зафиксирован в хронике крестьянского движения за период с 1857 г. по май 1861 г.¹³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Голос минувшего: журнал истории и истории литературы. № 5/6 1916 г., № 2 1917 г.

²В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии. Том первый. Москва, 1902 г., с. 303. В других источниках, в частности в «Памятной книжке Новгородской губернии на 1877 год» эта волость именуется не как Смердячевская, а как Смердяцкая (Часть III. Справочный указатель. с. 8).

³Все даты по старому стилю.

⁴Имеется ещё одно доказательство издевательств Дм. Морозова над крестьянами. В Госархиве Новгородской области хранится тонкое дело 1848 года, которое в описи называется: «Жалоба рядового Митюшина на притеснение Белозерским помещиком Дмитрием Морозовым. Жалоба была подана на имя гражданского губернатора Новгородской губернии Ф.И. Васильева. В ней рядовой Сумского Гусарского полка Кирилл Алексеев Матюшин сообщал, что в октябре 1847 года уволился в годовой отпуск на родину в имение помещика Морозова в деревню Старостино. Там проживала его жена Авдотья Дорофеева в избе, купленной Кириллом Матюшиным ещё в 1839 году в бытность свою в отпуске. В июле 1848 года Морозов, «...собрав вотчинных своих крестьян, неизвестно с чего разломал избу, приговаривая, что где служил туда и должен идти с семейством своим». Этим он вынудил Кирилла и его жену перейти в другое селение другого помещика.

Губернатор направляет депешу предводителю дворянства Белозерского уезда, в которой напоминает высочайшую волю оказывать жёнам и семействам призываемых на службу нижних

чинов всяческое вспомошествование. Предводитель 8 ноября 1848 года отвечает губернатору: «...Морозов волею Божей помер, а поэтому, не имея возможности узнать в какой степени справедлива жалоба рядового Матюшина, я [...] отнёсся в Земской суд с подпискою объявить вотчинному старосте умершего помещика Морозова, чтобы он не делал притеснений жене Матюшина Авдотьѣ Дорофеевой» (ГАНО, ф. Ф-138, оп. 1, д. 497).

⁵Мошницкое – древняя деревня. Впервые она упоминается как Мошенник в «Писцовой книге письма и меры Никиты Шеховского и подъячего Максима Козлова» в 1626 году (А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV–XVI в.в. Москва, 1951 г., с. 230). Через 20 лет согласно «Книге переписной переписи Селуяна Павлова да подъячего Григорья Белого» (Кадуи: краеведческий альманах. Вологда, 2005 г., с. 204) в её составе было 7 дворов, в том числе 6 – крестьянских, и проживало 20 душ мужского пола. Её владелец – можаитин (выходец из Можайска) Иван Усов. Если сравнивать с другими деревнями волостей Сухоч, Дуброва, Таница (территория нынешних Мазского и Барановского муниципальных образований), то Мош(щ)енник будет относиться к деревням с количеством жителей выше среднего.

Как следует из «Алфавита селений Белозерского уезда» Мошницкое (так эта деревня, предполагаю, называется с тех пор, когда она стала сельцом, то есть в ней или рядом с нею появилась помещичья усадьба) в середине XIX века относится к Рыконецкой волости государственных имуществ, на три её двора (один из них белый) приходилось только два крестьянина, площадь земель, отнесённых к ней – 14 десятин (Новгородский сборник. Выпуск 2: Алфавит селений Белозерского уезда. Новгород, 1865 г., с. 24–25).

В 1912 году владелицей мошницких земель была помещица Глазова, деревня по-прежнему имела три двора, в которых жил 21 человек (Список населённых мест Новгородской губернии. Выпуск XI. Белозерский уезд. Новгород, 1912 г., с. 28–29), а входила она в состав Боровской волости.

⁶Кадуйские зори. Кадуй, 1995 г., с. 22.

⁷Российский государственный исторический архив (в дальнейшем: РГИА), фонд 1374, опись 1, дело 394.

⁸1 четверть – 209, 9 литра, 1 четверик – 1\8 четверти.

⁹Казенными оброчными статьями называются казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов, содержание или, по безуспешности торгов, временно оставляемые в хозяйственном управлении того или иного учреждения ведомства министерства земледелия и государственных имуществ.

¹⁰РГИА, фонд 383, опись 21, дело 29721.

¹¹Отписные выморочные крестьяне – категория крестьян, оставшихся после смерти помещика, который не имел наследников.

¹²РГИА, фонд 1286, опись 20, дело 1170.

¹³Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 г.: Сборник документов. Москва, 1963 г., с. 650.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ В НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГОД

В августе 1917 года матрос минного заградителя “Амур” Михаил Давыдов прибыл в Мазу, свою родную деревню¹. В отпуск, судя по всему.

И здесь, чтобы хоть чуть-чуть понять характер и умонастроение отпускника, надо несколько слов сказать о роли, которую сыграл “Амур” – немного-немало – в русской истории, в истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Зиму 1916/17 года этот военный корабль провёл в Ревеле (ныне г. Таллин, Эстония), там встретил известие об отречении от престола Николая Второго, там его команда принимала участие в многочисленных митингах и демонстрациях.

В июне 17-го группа амурцев встречалась с В.И. Лениным.

Уже в сентябре того же года на корабле был поднят красный флаг.

Чуть позже матросы “Амура” участвовали в штурме Зимнего, сражались с войсками Керенского, а после того, как власть в России взяли большевики, несли охрану их штаба – Смольного института².

А амурец Михаил Давыдов в конце лета оказался в Мазе, 23 августа его отец Кирилл Дмитриевич высватал за него Парасковью К. Прожил с ней Михаил как с законной женой (так утверждал отец Парасковьи Степан Иванович К.), пять дней, а затем выгнал. Почему?

Ну, допуская, приехал Михаил в отпуск не для того, чтобы жениться на Парасковье, а для того, чтобы заключить законный брак с другой мазской девушкой. Но отец его, Кирилл Дмитриевич, чтобы не допустить этого, обратился к священнику Михаилу Богоявленскому с просьбой не венчать Михаила не на Парасковье. С этим же обратились и сама Парасковья и её мать. И священник – будто бы – дал такое обещание.

Но 8 сентября в метрической книге Николаевской Сухачской церкви появилась запись под номером 24 о бракосочетании сына крестьянина Кирилла Дмитриева 21-летнего Михаила с 19-летней девицей Анной, дочерью крестьянской вдовы Евдокии Ивановны Богдановой. Поручителями выступили по жениху Максим Петрович Давыдов, а по невесте Евдокия Прокопьевна и Александр Садофьевич Богданов³.

Степан же Иванович К. почувствовал себя (и это понятно) уязвленным, обманутым, а свою дочь опозоренной. О поступке жениха сообщил судебному следователю. За обольщение Парасковьи в отношении Михаила заведено судебное дело. А его отца заставили отвечать перед гражданским судом за бесчестие.

Не смотря на всё это, писал в своём прошении 14 сентября архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению Степан К., и вопреки желаниям родителей и Михаила и Парасковьи священник совершил венчание. “Способен ли такой пастырь, – вопрошал Степан Иванович у высокопреосвященства, – пасти своё стадо?”

Новгородская Духовная консистория 7 октября в своём указе разъяснила: “По действующей практике... обещание, данное женихом или невестою другому лицу, не обязывает к браку именно с этим лицом. Поэтому возводимое на жениха обвинение в обещании жениться на другой невесте и просьба (хотя бы письменная) с чьей-либо стороны о недопущении его к венчанию с избранным им лицом не может служить поводом к прекращению или отмене совершения венчания. В этом случае священник может поступить так: до совершения венчания сообщить о возводимом на жениха обвинении родителям или опекунам невесты, и равно и самой невесте, и, если после этого невеста и родители ея будут настаивать на браке, то венчать брак. Даже и торжественное (то есть в присутствии, например, родителей и родных невесты, посторонних свидетелей и т.п.) обещание жениха вступить в брак с несостоявшей в замужестве и притом обольщенной им этим обещанием, хотя и относится

к разряду уголовных преступлений, но не влечёт за собою ограничения в праве обольстившего вступить в брак по своему выбору...”

Одновременно этим указом с М. Богоявленского было затребован “отзыв по содержанию обвинения его в неисполнении данного им слова”.

Священник 1 ноября письменно ответил: “...обвинение крестьянина Белозерского уезда Боровской волости Степана Иванова К. совершенно неправильно, так как обещания не венчать Михаила Давыдова на другой невесте я не давал, потому что не имею законного основания. Дочь К. Парасковья ко мне не обращалась с подобной просьбой, да я её и не видал. Отцу жениха, Кириллу Давыдову, на его заявление не венчать сына на другой невесте я говорил, чтобы он сам повлиял на своего сына, так как остановить венчание я не мог, потому что сын его Михаил совершеннолетний и у него имелось разрешение на вступление в брак от военного начальства. Невесту Михаила Давыдова Анну Богданову и её мать Евдокию я предупреждал и даже уговаривал отказаться от этого брака, но она на это не обратила внимания.

Прошение это подано на меня по наущению бывшего волостного писаря М., который в первые дни революции старался очернить меня и написал четыре ложных протокола, но не имел успеха, теперь всячески старается возбудить против меня население”.

Собрание Новгородской Духовной консистории рассмотрело объяснение сухачского священника 24 ноября 1917 года и приказало: “Признать действия священника Богоявленского правильными и дело о нём прекратить”.

Думаю, вихрь революционных событий закрутил М. Давыдова и само собою поставил крест на судебном деле. И закрутил его до смерти: Михаил погиб на Гражданской войне.

Единственный сын его и Анны – Василий – родился 29 декабря 1918 года⁴. И стал военным, в армии с 1938 года.

Участник Великой Отечественной войны. Награждён медалью “За победу над Японией” (1945 г.), двумя медалями “За боевые заслуги” (1945 и 1947 гг.), орденами Красной Звезды (1951) и Красного Знамени (1956). Дослужился до подполковника. Погиб в начале 1960-х годов, проходя службу в Душанбе⁵.

Мать его, Анна Тимофеевна, по всей видимости, многие годы жившая с сыном и вместе с ним передвигавшаяся по всему Советскому Союзу от Дальнего Востока до Средней Азии, после гибели сына вернулась спустя 30 лет в Мазу. Купила небольшой домик, в котором и прожила остаток жизни своей. Похоронена на мазском кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Очерк написан на основе «Дела о неправильных действиях по службе священника Николаевской Сухачской церкви Белозерского уезда Михаила Богоявленского» (Госархив Новгородской области, фонд Ф-480, опись 1, дело 4908).

²Википедия:

[https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BC%D1%83%D1%80_\(%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82,_1906\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BC%D1%83%D1%80_(%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82,_1906)) Дата обращения: 24 июля 2024 г.

³Госархив Вологодской области, фонд 496, опись 50, дело 171, лист 322об.

⁴Госархив Вологодской области, фонд Р-1712, опись 2, дело 234, лист 151.

⁵Сайт «Память народа»: https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero82336152?last_name=%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9&middle_name=%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&page=1 Дата обращения 24 июля 2024 г.

ЗЛОСТНАЯ ШИНКАРКА ИЛИ «ПРОШУ ВОЗВРАТИТЬ МЕНЯ НА РОДИНУ...»

Человек идёт в архив, чтобы получить ответы на свои вопросы. Но, как правило, архивные документы, ответив на один из них, сразу же задают десятки других.

В 20-е и в начале 30-х годов прошлого века списки лишенцев – людей, поражённых в правах, в первую очередь, избирательных, – волостными, а затем сельсоветскими правлениями составлялись регулярно.

Жительница Мазы (ныне Кадуйский район Вологодской области) Ефросинья Васильевна Родина, занимавшаяся торговлей до и после революции, по 1928 год в таких списках фигурировала. А затем исчезла. Но появилась, на первый взгляд, другая Ефросинья Васильевна. Не Родина, а Васильева, но тоже жительница Мазы и тоже торговка. Вникаешь в списки дальше и обнаруживаешь, что у той и другой Ефросиньи совпадают не только отчество, не только место жительства и род занятий, но и год рождения¹.

Обращаешься к документам другого архива, к дореволюционному времени. И никакой Ефросиньи Васильевны, ни Родиной, ни Васильевой, ни какой-либо иной, среди жителей Мазы не находишь. А обнаруживаешь Евфимию Васильевну. В 1908 году в приходской Николаевской Сухачской церкви состоялось бракосочетание между ею, 24-летней дочерью Василия Васильева, крестьянина деревни Усть-Колпь, и Кузьмой Васильевичем Родиным, запасным рядовым из Мазы, 25 лет от роду². В 1909 году у Кузьмы и Евфимии родился сын Иван³.

И опять на тыщу совпадений – одно, режущее глаз, несовпадение. На этот раз не в фамилии (с ней, кажется, разобрались: была Васильевой, стала Родиной, а в конце 20-х гг. опять Васильевой), а имя. Евфимия и Ефросинья, если обратиться к святцам, – не форма одного, а разные имена. Но что только не случается, что только человек в своей жизни не меняет...

Спустя несколько лет в моих руках оказывается личное дело Ефросиньи Васильевны Васильевой⁴.

19 февраля 1930 года состоялось собрание граждан деревни Маза. Некто Родин, по всей видимости, родственник по мужу (Родиных тогда в Мазе жило много и все они между собой были дальними или близкими родственниками) говорил гневно. Гнев этот даже протокольная строка передаёт:

– Вредным элементом для деревни является Ефросинья Васильева. Мы видим, как она пыталась поджечь деревню, занималась кражей у соседей домашних птиц, она злостная шинкарка, варила самогон, выкачивала последние копейки у бедняков продажей вина и самогона.

Тех, кто торгует алкоголем из-под полы, в деревне не любят сейчас, не любили и 90 лет назад. Причём тот, кто нуждается в таком товаре, ненавидит намного больше, чем тот, кто к спиртному равнодушен. И конечно же, собрание единогласно постановило просить Кадуйский исполком выселить лишенку Васильеву из пределов Череповецкого округа, а имеющееся имущество конфисковать и передать в неделимый фонд колхоза.

Чаще всего при проведении коллективизации высылались одним махом целые семьи: от мала до велика. А семьи тогда были, как правило, большими. И им, думаю, было легче, проще, безопаснее переживать свою трагедию, чем оказавшейся одной-единёшенькой не только в Мазе, но и на всём белом свете Ефросинье Васильевой.

Она, конечно же, пыталась бороться за свои права. 19 марта обратилась в районный исполнительный комитет: «С 28 года я торговли никакой не имею и кормлюсь своим собственным хозяйством. Имущества имею одну избу. Ввиду вышеизложенного и прошу...» Но тщетно.

И забросила её советская власть (решение районная тройка приняла 2 апреля 1931 г.) за тридевять земель от родных мест, в дальневосточный так называемый посёлок Бушуйка.

В заявлении сестёр Смирновых (тогда одной из них было 13 лет, а другой 7) из деревни Шоборово, раскулаченных в составе семьи, рассказывается: «В 1931 году 1 апреля нас увезли всю семью из 5 человек в районный центр – на станцию Кадуй. В центре мы пробыли трое суток, там народу было целая школа. Всех нас погрузили в товарные вагоны (в дверях решётки) и повезли нас на Дальний Восток. Ехали мы в течение двух недель с большими остановками. Не доезжая Большого Невера, нас повернули в сторону, там была площадка под названием «поселок Бушуйка» из ситцевых палаток. Там стояла буржуйка, было очень холодно. С половины апреля и май для нашей компании стали делать из досок бараки. Мы в этих бараках жили до ноября месяца. Мама умерла от инфаркта. Началась большая эпидемия. Стали сортировать людей, всю рабочую силу от 14 до 50 лет стали отправлять в город Алдан на золотые прииски...»⁵.

Кто знает, может, на прииски отправили и Ефросинью Васильеву, ей ведь тоже не было 50 лет? Но последняя от неё весточка дошла до нас из той самой Бушуйки. Она обращалась в Особую центральную комиссию при этом посёлке: «Семья моя состояла из сына Ивана и мужа Кузьмы Васильевича. Сын уже шесть лет как отделился, а муж жил при сыне, но был горький пьяница, сама я отнесена комиссией ко 2-й группе инвалидности. И я с мужем хотя и жила, но постоянно приходилось скандалить. И ввиду этого сам вошёл в колхоз, а меня уговорил не входить. Последние два года земли я вовсе не имела и жила на средства сына, который средства высылал по почте, а до этого я года четыре поторговывала в розницу из ларька по патенту первого разряда разным мелочным товаром и оборот имела до 100 рублей в год. Из имущества у меня была только корова, а дом я продала раньше. Прошу разобраться и возвратить меня на родину...»

Но уполномоченный ПП ОГПУ в ЛВО (полномочного представительства Объединённого государственного политического управления в Ленинградском военном округе) по Кадуйскому району Богданов 4 декабря 1931 года вынес свой вердикт:

«Выселение её как кулацкое хозяйство из сельсовета сплошной коллективизации считаю проведённым правильно».

Примерно в то же время, когда я сталкивался в архивных документах с Ефросиньей Васильевной, у меня завязалась переписка с череповчанином Андреем Родиным. Он писал, что был в Мазе, на кладбище, искал могилу своего прадеда Кузьмы Родина. Она должна находиться на определённом расстоянии от главного входа и в одной ограде с могилой друга. Но ничего не нашёл. Я ответил, что кладбище неоднократно расширялось и главный вход, конечно же, сместился.

«О прадедушке и прабабушке знаю мало, – пишет Андрей. – Жили они в Мазе. Была у них водяная мельница. Когда прадед узнал, что мельницу власть собирается отбирать, то продал её. И уехал с товарищем в Устюжну. Пока деньги не потратил, жил там. А прабабушка торговала в ларьке, затем её раскулачили. Кузьма стал заниматься собирательством в лесах. Про них от отца я слышал совсем немного, а с дедом вообще об этом не разговаривал, он умер рано, ещё в 1977 году».

Дед Иван воевал, на фронт был призван Бабаевским райвоенкоматом. Награждён медалью «За отвагу». «6 мая 1945 года, – говорится в приказе о награждении, – в боях на подступах к городу Дрезден во время обстрела противника был ранен в руку, но не бросил машину с оружием, доставил его на огневую позицию вовремя»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В архивном деле 1925–27 гг., в именном списке на лиц, лишённых избирательного голоса, значится Родина Ефросинья Вас., 39 лет, жительница Боровской волости д. Мазы, торговка (Череповецкий центр хранения документации (далее – ЧЦХД), фонд 1, опись 1, дело 42, листы 13об – 14), а в деле 1930 года в протоколе № 7 от 28 апреля 1930 года заседания Кадуйской районной особой комиссии по пересмотру списка лиц, лишённых

избирательных прав, в пункте 5 раздела «Мазский сельсовет» записано: «Слушали: Васильева Ефросиния, дер. Маза, лишена избирательных прав в 1925 году как занимающаяся торговлей ... до революции и после революции всё время... Васильева живёт одиночкой...». (ЧЦХД, ф. 2, оп. 1, д. 84, л. 14).

²Госархив Вологодской области (далее ГАВО), ф. 496, оп. 50, д. 58, л. 54об.

³ГАВО, ф. 496, оп. 50. д. 58, л. 77 об.

⁴Дело так и называется: «Кадуйский райисполком. Васильева Ефросинья Васильевна», начато 28 апреля 1930 г., окончено 30 марта 1931 г. (ЧЦХД, ф. 10, оп. 3, д. 242). Далее, если не будет специально оговорено, сведения взяты именно из этого дела.

⁵Краеведческий альманах «Кадуй», Вологда, «Русь», 2005 г., с. 179,

⁶Портал «Память народа»:

https://m.pamyat-iroda.ru/heroes/personhero79950517?last_name=%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD+&first_name=%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD&middle_name=%D0%9A%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BC%D0%B8%D1%87&page=1 Дата обращения: 15 августа 2024 г.

ПЯТНИЦКИЕ: с XVIII века по XXI-й

Служитель культа

Ивана Фёдоровича Пятницкого – священника находившейся в двух километрах от деревни Капчино (ныне Кадуйский район Вологодской области) в сторону Бабаево Успенской Сухачской церкви – арестовывали не единожды. В последний, невозвратный раз – 24 августа 1937 года. Арест произошёл в деревне Заполье Сиучского сельсовета (ныне Бабаевский район), где в это время лишённый прихода и имущества Иван Пятницкий работал на лесоучастке. При этом был проведён обыск, в ходе которого изъяты паспорт и разная переписка. Арестованного поместили в Череповецкую тюрьму¹.

Если судить по архивным документам, копии которых хранятся у внучки отца Иоанна, то допрашивали его дважды.

Первый раз 26 августа. Вначале на вопросы по существу дела Иван Фёдорович отвечал: «Никакой контрреволюционной агитации я никогда не проводил и показать ничего не могу». А потом – вдруг – произносит: «Я вынужден признать...»

Что случилось между отрицанием своей вины и признанием её, можно только гадать, документы об этом ничего не сообщают. Возможно, священнику, в числе прочего, предъявили протокол состоявшегося 12 августа допроса свидетеля, колхозника А.Ф. Базанова с хутора Лешкино.

Первое, что вызывает недоверие к этому протоколу, фраза, якобы сказанная обычным крестьянином: «Мне известно, что Пятницкий систематически проводит контрреволюционную агитацию среди окружающего населения, направленную на подрыв и дискредитацию ВКП(б) и правительства». И на две страницы протокола всего один факт: «В 1935 году во второй половине мая месяца на хуторе Лешкино поп Пятницкий в присутствии меня и Батырева Семёна говорил: «Что вы колхозники работаете даром? У вас всё советская власть убирает, и она у вас не только всё заберёт, а скоро последние штаны с вас стащит»». На другие

вопросы Базанов отвечал или так: «показать ничего не могу», – или же так: «конкретно привести факты я не могу, кроме того, который я привёл, так как Пятницкий систематически везде проводит контрреволюционную агитацию».

Во второй половине допроса Иван Фёдорович вынуждено сообщает следователю: «В 1925 году в декабре месяце в религиозный праздник Рождество (так в протоколе, возможно, отец Иоанн не признавал не только советскую власть, но и введённый этой властью в 1918 году григорианский календарь), будучи в гостях у Гурьева Василия Федоровича (лесника Уйтинского лесничества), в его присутствии я говорил: «Ни в одной стране нет коммунистов, а только у нас в России, но они просуществуют не долго, так как скоро война, и тогда всех коммунистов будем вешать на первом попавшемся дереве». В 1933 году... стараясь сорвать организацию колхозов и организовать массовый выход из колхозов, используя религиозные чувства у местного населения, я... говорил: «Колхозная форма ведения сельского хозяйства не приемлема, единственный путь развития – путь частной собственности на землю...»»

Второй допрос состоялся на следующий день. Следствие было уверено, что подозреваемый дал не полные показания. И священник Пятницкий их вынужденно дополнил: «20 февраля 1937 года я встретился с Фуртиным Васильем (ныне умерший) и с другими рабочими, фамилии которых я сейчас не помню, мы завели разговор на тему «Международные отношения и особенно о империалистической захватнической политике Японии»... Говорил так: «Япония захватит территорию до Байкала и на этом не остановится, а пойдёт дальше. В подтверждении я привел пример: «Я, как окончивший духовную семинарию, по священному писанию знаю, что все безбожные государства в прежние времена разрушались, так и теперь Советская власть будет уничтожена вместе с коммунистами». Здесь же я говорил: «Стахановское движение – это пустая выдумка коммунистов, призванная обманывать трудовой народ и вытягивать из него последние силы».

И далее опять странная фраза: «Других фактов своей контрреволюционной деятельности я не помню, хотя и проводил её систематически на всём протяжении существования Советской власти». За два дня допросов «вспомнил» только три факта из своей 20-летней неустанной агитационной работы?!

Затем Ивану Фёдоровичу три раза (это только по протоколу!) сотрудник Кадуйского районного отдела НКВД задаёт один и тот же вопрос: «Назовите лиц, с которыми вы были связаны по контрреволюционной деятельности». И получает один и тот же ответ: «Контрреволюционных связей я ни с кем не имел».

Наверное, одного свидетеля по этому делу было недостаточно. И 28 августа следователь добывает ещё один факт, допрашивает А.Ф. Трешина из деревни Нижние. Весной 1936 года лично ему Пятницкий говорил: «Вот у меня советская власть всё забрала и теперь приходится скитаться по чужим квартирам. У здешних колхозников власть тоже всё забрала, хлеба у колхозников нет, лошади заморены... из колхозников тянут последние соки, а власть тысячами бросает деньги на каждые пустяки...» И в этом протоколе обнаруживается та же самая алогичная фраза, что и во всех остальных: «Всех фактов, – говорил на этот раз Трешин, – вспомнить не могу, так как он делал это систематически».

29 августа сотрудником составляется, а начальником Кадуйского РО НКВД младшим лейтенантом госбезопасности согласовывается обвинительное заключение. 5 сентября оно утверждается областным начальством.

5 сентября служитель культа Пятницкий И.Ф. приговаривается тройкой УНКВД Ленинградской области к высшей мере наказания. 17 сентября приговор приводится в исполнение.

Захоронен Иван Фёдорович в Левашовской пустоши. Там в период с сентября 1937 по 1954–55 гг. предано земле не менее 19 тысяч расстрелянных в ленинградских тюрьмах.

Дети врага народа

2 августа 1916 года Иван Пятницкий и Ольга Петухова сочетались браком в Ильинской Чаромской церкви Череповецкого уезда. А 21 сентября того же года Ивана Фёдоровича рукоположили во священники к Успенской Сухачской церкви уезда Белозерского.

В этой церкви отец Иоанн отслужил почти 20 лет, здесь появились на свет все его дети. В 1917 году Ольга Михайловна родила сына Леонида, а затем четырёх дочерей – Ирину (1919 г.), Веру (1921), Таисию (1923) и Евгению (1927). Но умерла супруга отца Иоанна рано, в 41 год, 8 марта 1936 года.

Церковь закрыли за несколько лет до гибели Ивана Фёдоровича, в ней устроили колхозную кузницу. Всё, что принадлежало лично священнику, конфисковали, а семью из дома выселили. В справке, выданной Заэрапским сельсоветом в августе 1937 г., в строке «имущественное положение» так и написано: «нет ничего». На иждивении Ивана Фёдоровича, по всей видимости, остались четыре дочери. Леонид, повзрослев, стал жить отдельно, переехал в Карелию, в город Кемь, там стал железнодорожником. У Ивана же Фёдоровича с работой было плохо. В колхоз, даже если бы он захотел, его бы не приняли, поэтому он перебивался случайными заработками. В сельсоветской справке сказано, что он «с 1933 года жил без определённых занятий».

Что стало с детьми после ареста отца, сейчас, по всей видимости, никто не знает. Не известно ни одного свидетеля, оставшегося в живых. Внучка отца Иоанна, Ольга Лебедева, помнит, что четверо старших несмотря на то, что судьба их разбросала по разным городам, общались. А младшая, Женя, пропала. Но тоже выжила.

Когда пришли новые времена, то именно она, и только она, подчёркивает Ольга Леонидовна, стала выяснять судьбу своего отца. В 1990 году Евгения Ивановна, живущая на Украине, почти одновременно обратилась в архив и в органы КГБ: «Я осталась одна меньшая дочь, и хотела бы узнать место и дату смерти своего отца».

Спустя два года, уже имея на руках свидетельство о смерти отца и справку о его реабилитации, она продолжала добиваться справедливости, она вновь обратилась в органы КГБ: «Я была меньшая и нас с дома выгнали. Мы пошли до крёстной, а оттуда нас тоже выгнали, мы ходили по людям, люди боялись брать. И я чудом осталась жива... И я воспитывалась сама, кое-как... Тогда всё забирали, людей выгоняли и ничего не давали на руки. Но они, кто это делал, они должны были регистрировать всё в своих бумагах, и они должны знать, кому это всё давалось, и пусть ищут. Они должны всё, что забрали у людей, отдать. Это вина государства и это сделали государственные люди. Пусть они отвечают, люди же виноваты...»

Больше ничего мы сегодня о меньшей дочке Ивана Пятницкого не знаем.

«Мы вновь обрели своих предков...»

Ольга Пятницкая, сейчас вологжанка, родилась в городке Кемь. Но, когда ей было 8 лет, а брату Владимиру 12, родители разошлись. «И мы с мамой уехали на её родину в Костромскую область, – рассказывает Ольга Леонидовна. – Володя, когда вырос, ездил к отцу. И вместе с ним побывал в гостях в Москве, в Ленинграде и в Новосибирске у трёх отцовых сестёр. Я в 1980 году тоже ездила вместе с мужем и сыном Сашей в Кемь. Встреча с отцом была короткой, но очень трогательной. Больше мы не виделись. Связи оборвались. По прежним адресам живут чужие люди».

О том, что Иван Фёдорович Пятницкий репрессирован, в семье знали всегда. Но не говорили об этом. Единственной зацепкой узнать о нём что-либо осталось свидетельство о браке родителей Ольги Леонидовны. «В феврале 2016 года я читала новости на сайте Череповецкой епархии, – говорит она. – Набрала в поисковой строчке название деревни, в которой родился отец. Набрала так, как смогла прочитать. А компьютер уточняет: «Возможно, Вы имели в виду «Капчино»?» И в первой же появившейся на экране статье говорилось о том, что

28 августа 2015 г. состоялся молебен у Поклонного креста в деревне Капчино. А на фотографии креста, на табличке, которая размещена на нём, среди других значился и Пятницкий Иван Фёдорович. Я обомлела... Так мы вновь обрели своих предков...»

«В молодости я приехала в Вологду на свадьбу к брату, – рассказывает Ольга Леонидовна. – И осталась тут, вышла замуж. Теперь я понимаю, что на это была воля Божья. Я вернулась на землю предков. У меня двое детей. Сын – протоиерей Александр Лебедев – закончил Вологодское православное училище, Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, сейчас он – настоятель Храма Рождества Пресвятой Богородицы на Нижнем Долу в Вологде».

20 июня 2016 года семья О.Л. Лебедевой посетила родину отца и деда. Правнук Иоанна Пятницкого отец Александр в молебне у Поклонного креста на месте разрушенных капчинских церквей, там, где служили на протяжении многих десятилетий, в общей сложности не менее полутора веков, его предки, сослужил кадуйскому священнику отцу Сергию. В августе того же года посетил Успенский погост, Кадуй, деревни Капчино и Уйту москвич Владимир Пятницкий с семьёй.

«И теперь мы только этим и живём: ищем информацию, читаем историческую литературу. Познакомились с краеведом Натальей Николаевной Миняевой, она стала нашим путеводителем. Но чем больше узнаём, тем больше хочется знать. В наших предках – корень нашего нынешнего существования, истоки нашей чести, совести и достоинства. 17 сентября 2017 года исполнилось 80 лет со дня расстрела Иоанна Пятницкого, – делится впечатлениями о поездке в Левашовскую пустошь Ольга Леонидовна. – Я, мой муж и мой сын, в этот день приехали в Санкт-Петербург почтить память деда, расстреленного в 54 года за верность православию. Лес превратился в живой мемориал, молча принимающий знаки памяти. Стволы деревьев увешаны портретами казнённых».

Пятницкие – кадуйская фамилия

Есть на карте Кадуйского района Пятницкие озѣра и Пятницкое болото. Называются они так, бесспорно, потому, что в своё время находились на территории Успенского Сухачского прихода, который имел второе, народное, название. В описании середины 19 века сказано: «Приход более известен под названием Пятницы, по имеющейся Параскевинской церкви»².

Народное название дало и фамилию священническому роду Пятницких. В этом убеждена Ольга Леонидовна Лебедева. Это знание пришло к ней, когда она стала заниматься исследовательской работой, стала составлять родословную Пятницких, изучать его прошлое.

И выяснила, что ещё в 1736-1741 годах прапрапрадед (3 раза пра-) Ивана Фѣдоровича Евстафий Герасимович служил в Успенской церкви Сухачской волости Белозерского уезда.

(Возможно, Герасим Иванович, здешний священник конца 17 века, является отцом Евстафия. Документальных подтверждений этому нет, но косвенных не одно. Надо заметить, что и приход Успенской церкви возник предположительно во второй половине 17 века. То есть у истоков его существования стояли предки Иоанна Пятницкого.)

Сын Евстафия Иван рукоположен во священника Успенской церкви епископом Вологодским Серапионом в 1757 году. Сын Ивана Семѣн обучался в Вологодской семинарии в классе богословия, 20 ноября 1786 года назначен на место умершего отца. В 1805–1812 годах он состоял местным благочинным. В память войны 1812 года получил бронзовый крест. Сын Семѣна Александр окончил в 1817 году Белозерское духовное училище. Родившийся в 1839 году Фѣдор Александрович Пятницкий, псаломщик Чаромской Ильинской церкви, умер от чахотки в возрасте 54 лет. У него было девять детей, среди них Иван, который стал, совсем не случайно стал, в 1916 году настоятелем капчинских храмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Документы, на основании которых написан этот очерк, предоставлены Ольгой Леонидовной Лебедевой (Пятницкой).

²Новгородский сборник, выпуск 1, Издание Новгородского статистического комитета под редакцией Н. Богословского, Новгород, 1865 г., с. 237.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИРИНА ОРИЩЕНКО

(г. Севастополь)

СУХАЧСКИЕ СВЯЩЕННИКИ

1. СУХАЧСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ ПРИХОД

Передо мной лежит старая фотография. Молодой священник с тонкими чертами лица и какой-то тревогой в глазах, матушка – красивая, чуть полноватая женщина, излучающая доброту и любовь, их дети – серьезные и сосредоточенные. Рядом с матушкой стоит девочка чем-то отличающаяся от других детей – у нее взрослое лицо и грусть в глазах.

На обороте надпись: 1915 год. Богоявленский Михаил Алексеевич, Богоявленская – Соколова Татьяна Петровна, Аграфена Николаевна (А.Н. Бельшева – Груняша, сирота, взятая на воспитание в семью священника), Людмила, Галина, Алексей, Иван (Виктор). Надпись сделана рукой Е. М. Соколовой – младшей дочери отца Михаила.

С Еленой Михайловной, двоюродной сестрой бабушки, я познакомилась в 2006 году, ей шел уже 90-й год. Она была очень рада моему телефонному звонку, но постоянно повторяла: «Ирочка, ты очень поздно меня нашла, если б чуть раньше, я бы тебе очень много рассказала, а теперь уже память не та». Благодаря этой замечательной женщине, очень светлому и доброму человеку, все мои предыдущие архивные наработки приобрели ясные и четкие черты, были найдены недостающие звенья, что позволило восстановить историю нашего рода, несколько поколений которого были связаны с Николаевской Сухачской церковью.

Мой прапрадед Петр Андреевич Соколов прослужил в этой церкви более сорока лет.

Он родился в 1843 году в семье священника Троицкой Досифеевской церкви Череповецкого уезда. Успешно окончил Вологодское духовное училище и Вологодскую семинарию по 1-му разряду, что давало возможность поступать в высшие учебные заведения, но избрал путь приходского священника. Женившись на 16-летней Серафиме Михайловне, принял священство. С большой долей вероятности можно сказать, что Серафима была дочерью священника Николаевской Сухачской церкви Михаила Кантатова, которого в 1866 году сменил Петр Андреевич. В этой же церкви с 1855 года пономарем (псаломщиком с 1875) служил родственник Петра Соколова – Иван Зверев, женатый на его двоюродной сестре Агриппине Матвеевне.

Очень быстро о. Петр снискал любовь и уважением среди прихожан и местного духовенства. Любимый мог обратиться к нему за советом с полной уверенностью, что услышит в ответ исполненное мудрости и любви наставление. Те, кто знал его, отмечали, что он «...обладал глубоким умом при широком жизненном кругозоре, главным же его украшением было любвеобильное сердце, которое особенно всех привлекало к нему... Это был человек отзывчивый на все доброе и разумное, что выдвигала жизнь. Отец протоиерей был человек, не застывший в прошлом. Кажется, не было никакой отрасли жизни, где бы он был несведущим человеком. Обладая от природы дивной памятью, он в особенности был знатоком в отечественной истории. Словом, то был человек основательно и широко образованный при строгой христианской настроенности. Обладая представительной наружностью, он истово и величественно совершал богослужение», (здесь и далее цитируется некролог, опубликованный в девятнадцатом номере за 1908 год “Новгородских епархиальных ведомостей”).

Более сорока лет о. Петр прослужил в Сухачском погосте, из которых тридцать лет состоял благочинным. Благодаря его стараниям был расширен теплый храм, в приходе открылись три школы, в которых о. Петр состоял законоучителем: «В широком здравом просвещении народа он видел залог счастья народного».

Петр Андреевич имел многочисленные награды, в том числе орден Святой Анны 3-й степени, наперсный крест от Святого Синода, а в 1899 году за заслуги по духовному ведомству награжден саном протоиерея.

В семье о. Петра было двенадцать детей. Трое умерли в детстве. Алексей, старший сын – мальчик, подающий большие надежды, блестяще окончил Новгородскую духовную семинарию и благодаря своим дарованиям занял высшее место при поступлении в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, но окончить академию ему не было суждено – он умер на последнем курсе от неизлечимой болезни. Это было большое горе для семьи Петра Андреевича. Двое оставшихся сыновей не пошли по стопам отца – Николай окончил медицинский факультет Томского университета, преподавал в Омском медицинском институте, стоял у истоков создания санитарно-эпидемиологической службы города; Владимир стал профессором Свердловского медицинского института. На них, видимо, большое влияние оказал их дядя – Корнилий Андреевич Соколов, талантливый хирург.

Из дочерей только две вышли замуж за священников: Наталия – за священника Чуровской церкви Череповецкого уезда Ивана Захаровича Белоликова, принявшего мученическую смерть в 1937 году, Татьяна – за священника Рдейской женской пустыни Старорусского уезда Михаила Алексеевича Богоявленского, который после смерти Петра Андреевича, последовавшей 21 апреля 1908 года, сменил его в Николаевской Сухачской церкви.

Отец Михаил родился 26 октября 1878 года в местечке Черные Озерки Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье священника, окончил Новгородскую духовную семинарию и несколько лет состоял учителем народной школы. В 1906 году был назначен на священническое место к Рдейской женской пустыни Старорусского уезда, а в 1908 году вернулся в родные края и принял Сухачский приход. Но не долго длилась

счастливая жизнь большой семьи – в 1920 году умерла матушка Татьяна, а все усиливающиеся гонения на церковь привели к аресту о. Михаила. Большой уютный дом, где когда-то тихими вечерами за чашкой чая и неспешными разговорами собиралась большая семья Соколовых, а позже Богоявленских, был конфискован. Девочек на воспитание забрала к себе родная сестра Татьяны Петровны – Елизавета, работавшая учительницей в Череповце, она дала им свою фамилию. Так они вернулись к фамилии деда – Соколова Петра Андреевича.

Елена Михайловна вспоминала, что после ареста отца она носила ему передачи в тюрьму, а потом его сослали на восток и убили при перевозке в Благовещенск.

На мой запрос в Вологодское ФСБ пришел ответ, что Богоявленский Михаил Алексеевич был арестован 17 января 1934 года Кадуйским РО ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе за участие в контрреволюционной организации церковников-монархистов. Его обвиняли в проведении агитации, направленной против закрытия церквей, против коллективизации и других мероприятий, проводимых советской властью. Осужден 03.03.1934 года тройкой ПП ОГПУ в ЛВО по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР на 5 лет заключения в концлагере без конфискации имущества. О дальнейшей судьбе о. Михаила сведений не было.

Моя переписка продолжилась с УВД по Хабаровскому краю, Амурской и Новосибирской областям, Приморскому краю. В результате удалось выяснить, что Михаил Алексеевич отбывал наказание в Дальлаге ОГПУ, где 17 марта 1938 года постановлением Тройки УНКВД по Дальневосточному краю осужден за «контрреволюционную деятельность» и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 1 июня 1938 года.

Расстрел... Целое поколение наших прадедов было уничтожено в 1918 и 1937 годах. Они лежат в братских могилах в Левашово и Бутово, на бескрайних просторах Дальневосточных лагерей и в безымянных могилах под Санкт-Петербургом

и Великим Новгородом. Единственная «вина» их заключается в том, что они не отрелись от веры.

Еще стоят на окраине деревни Шоборово стены разрушенной церкви. Когда-то величественный белоснежный храм тихо умирает. Пустые глазницы и кроваво-красный кирпич, словно смертельные раны, не оставляющие надежды на возрождение, а со стертых временем и искаленных людьми фресок с укором смотрит на нас лик святого...

2. СУХАЧСКИЙ УСПЕНСКИЙ ПРИХОД

На правом берегу реки Колпь, западнее деревни Капчино располагался Успенский Сухачский погост. Он был более известен под названием Пятницкий, которое получил по церкви Параскевы Пятницы. Время основания церкви неизвестно, но в «Новгородском сборнике» 1865 года под редакцией Н. Богословского есть упоминание об антиминсе на холщевом лоскутке с частичками святых мощей, на котором написано, что он выдан в церковь при Алексее Михайловиче. Это дает основания предполагать о существовании Параскевинской церкви уже во второй половине XVII века.

В 1841 году была построена новая каменная церковь, освященная в честь Успения Пресвятой Богородицы, а после того, как Параскевинская деревянная церковь сгорела, Успенская церковь долгие годы была единственной.

К Успенскому Сухачскому приходу относились три деревни, расположенные по правому берегу реки Колпь: Капчино, Уйта, Нижние. И три деревни – Андроновое (Ворон), Григорово и Сидорово, – находящиеся южнее погоста, «во мху, из которых, – цитирую «Новгородский сборник» 1865 года, – и выезд сухим путём только в Череповецкий уезд».

Священниками в этой церкви служили: Василий Семенович Разумовский (60-е годы XIX века), Петр Смирнов (1878–1888), Михаил Саввич Каратыгин (1888–1916), Иаонн

Пятницкий (с 1916 года). Псаломщиками в разные годы были: Николай Светлов, Александр Афиногенович Остряков, Павел Гришин, Василий Пятницкий.

Мне хочется рассказать о Михаиле Саввиче Каратыгине, который прослужил в этой церкви 28 лет и заслужил любовь и уважение среди прихожан и духовенства соседних приходов.

Михаил Саввич родился приблизительно в 1856 году в семье дьячка Бизяевской церкви Белозерского уезда Коротыгина Саввы Никифоровича. Из Белозерского духовного училища, так же как и его братья Евграф, Евгений и Павел, вышел с фамилией Каратыгин. В 1880 году окончил Новгородскую духовную семинарию и восемь лет состоял сельским учителем. 11 июля 1888 года был рукоположен в священники к Успенской Сухачской церкви, состоял учителем трех школ и законоучителем Боровского земского училища.

«При поступлении его в Успенский приход, – говорится в некрологе на его смерть, опубликованном в «Новгородских епархиальных ведомостях» (№ 27, 1916 г.), – был один каменный, маловместительный храм в честь Успения Божией Матери. Его энергичным стремлением и житейской мудростью не только ремонтировался и благоукрашался каменный храм, но воздвигнут новый, деревянный обширный и благолепный храм в честь Святой Мученицы Параскевы».

За усердие при строительстве нового храма в 1906 году о. Михаилу и крестьянам деревни Уйта Михаилу Муркину и Петру Николаеву, а также деревни Нижних Михаилу Герасимову и Василию Мазину преподается архипастырское Его Высокопреосвященства благословение.

С 1895 года о. Михаил исполнял должность помощника благочинного 4-го округа, а в 1898 году был утвержден в этой должности. Имел награды: набедренник (1896), камилавку (1914). Михаил Саввич был женат на дочери умершего священника Николаевской Сухачской церкви Михаила Кантатова Марии Михайловне. В семье было два сына и две дочери. Один из

сыновей – Василий, умер в возрасте двух лет, а второй, названный тоже Василием, стал профессором, доктором медицинский наук, основателем уральской школы гастроэнтерологии. Во время Великой Отечественной войны Василий Михайлович был главным терапевтом управления эвакогоспиталей и главным терапевтом Свердловского областного здравоохранения. Он стал организатором и первым заведующим (1935–1958) кафедры госпитальной терапии (сейчас кафедра внутренних болезней № 1 Уральской государственной медицинской академии).

Дочь Михаила Саввича Елизавета с 1906 года была заведующей Воронской библиотекой, судьбу младшей дочери Зинаиды проследить не удалось.

Михаил Саввич умер 19 мая 1916 года после продолжительной болезни. Проститься с любимым батюшкой собрались многочисленные прихожане, в заупокойной службе принимали участие пять священников.

О. Михаил был похоронен возле нового, построенного им храма Параскевы Пятницы.

Церковь закрыли 15 апреля 1935 года постановлением Кадуйского РИК, а в здании разместили кузнечные мастерские по ремонту сельхозмашин и орудий. Ленинградский областной исполнительный комитет своим постановлением 1 августа 1935 года оставил постановление Кадуйского РИК о ликвидации церкви в силе.

Постепенно зарастает лесом Успенский Сухачский погост, на месте церквей – завал деревьев. Но очень хочется верить, что когда-нибудь возродятся и эти сельские церкви, уничтоженные в 30-е годы простым росчерком пера...

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

«Дорогому брату и крестному Петру Андреевичу Соколову. 1.IV.1901. СПб. К.Соколов». Фотографию с такой надписью подарил Корнилий Андреевич Соколов своему старшему брату,

моему прапрадеду, священнику Николаевской Сухачской церкви. На старом Шоборовском кладбище находится могила Корнилия Соколова. Когда-то там стоял памятник, потом еще долгие годы лежали три камня, на которых любила посидеть местная детвора, а теперь только в памяти старейших жителей деревни Шоборово остались воспоминания о «князе Корнилове».

Он не был князем, и звали его Корнилий Андреевич Соколов.

Об этом прекрасном человеке, талантливом враче, судьба которого неразрывно переплелась с историей страны, мне и хочется рассказать.

Родился Корнилий Соколов 4 сентября 1850 года в семье священника Троицкой Досифеевской церкви Череповецкого уезда Андрея Ивановича Соколова. Окончил Вологодское духовное училище и Вологодскую духовную семинарию. В декабре 1875 года с отличием окончил Императорскую Медико-Хирургическую академию и был направлен в Клинический военный госпиталь. В июле 1876 года командирован в Сербию в качестве хирурга для оказания помощи русским добровольцам, воевавшим на стороне сербов с Османской империей. Главнокомандующим сербской армии стоял русский генерал М.Г. Черняев, горячо поддержавший балканских христиан в их борьбе с турками. Война была кровопролитной, и молодому военному хирургу пришлось трудиться с огромным перенапряжением. В феврале 1877 года Корнилий Андреевич возвращается домой, а в апреле этого же года направлен в Черногорию на шесть месяцев. Можно только представить, сколько жизней русских солдат и братьев славян спас военный хирург К.А. Соколов во время этой войны. О его заслугах говорят награды. Сербским правительством награжден за заслуги во время войны Сербии с Турцией в 1876 году орденом Такова для ношения на груди и медалью с надписью «За храбрость» (ноябрь 1880 г.). Черногорским князем Николаем пожалованы орден Даниила Первого третьей степени (декабрь 1877 г.) и Бронзовая медаль в память войны с Турцией 1877–1878 гг. (февраль 1880 г.).

Огромный опыт, полученный на войне, нашел свое воплощение не только в последующей практике хирурга, в преподавании в военных учебных заведениях, но и в создании более десятка трудов по медицине¹.

24 апреля 1879 года «Конференцией Медико-Хирургической Академии признан по экзамену доктором медицины»².

Соколов Корнилий Андреевич служил старшим врачом Александровского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского и Павловского военного училищ, преподавал в Санкт-Петербургской военной фельдшерской школе.

В августе 1884 года награжден «за отличную усердную службу» орденом Святого Станислава третьей степени. В декабре 1894 года орденом Святой Анны второй степени, как преподаватель Санкт-Петербургской военной фельдшерской школы.

В 1904 году произведен в чин действительного статского советника, в 1916 году стал тайным советником. В каком году ему было пожаловано потомственное дворянство, установить пока не удалось, но заслуги его перед Отечеством бесспорны.

Последние годы жизни Корнилий Андреевич провел в своей усадьбе Верхний Двор (Ухабное)³, располагавшейся в Белозерском уезде, недалеко от Николаевской Сухачской церкви, где более сорока лет священником служил его старший брат Пётр. Корнилий Андреевич пользовался огромным уважением среди населения уезда – избирался уездным предводителем дворянства, состоял председателем Кирилло-Белозерской дворянской опеки, гласным уездного земского собрания, председателем Уездного комитета попечительства о народной трезвости, «председателем Белозерского уездного отделения комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, находящегося под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны»⁴.

Умер 20 ноября 1917 года в возрасте 67 лет⁵.

У Корнилия Андреевича было три сына и три дочери. Сыновья стали офицерами, но революционные события развели их по разные стороны фронта гражданской войны. Старший, Борис, после окончания Константиновского артиллерийского училища и Николаевской инженерной академии стал военным инженером, участвовал в русско-японской войне, строил оборонительные сооружения на Северо-Западном и Западном фронтах Первой Мировой войны, полковник. С 1918 года – на службе в РККА. Принимал участие в борьбе с войсками Юденича, английскими интервентами, белыми формированиями на архангельском фронте и с белополяками на западном фронте. С 1920 года занимается восстановлением и созданием береговой обороны побережья Черного моря, был начальником инженеров Очаковской крепости, а с 1926 года – начальник проектного бюро оборонительных сооружений в Севастополе. В 1941 году под его руководством были созданы рубежи сухопутной обороны города, которые остановили противника. «Участие в этой необыкновенно напряженной работе, – пишет В.И. Фомин в своем документальном рассказе «Достойный памяти потомков», – такого руководителя проектировщиков, профессионала фортификатора высокого уровня, оказалось неоценимым. Судьба послала защитникам Севастополя в этот исторический момент Б.К. Соколова в числе других руководителей создания оборонительных рубежей, сыгравших решающую роль в 250-дневной героической эпопее города-героя»⁶.

Борис Корнильевич имел множество наград, как царских, так и советских.

Средний сын, Лев, окончил Павловское военной училище и Николаевскую академию генштаба, принимал участие в Первой Мировой войне – командир 311-го пехотного Кременецкого полка, начальник штаба 78-й пехотной дивизии, с 1917 года – генерал-майор. Имел награды, в том числе Георгиевское оружие и Орден Святого Георгия 4-й степени за боевые отличия. В 1918–1919 гг. состоял на службе в РККА, с 1920 года – в эмиграции во Франции. Умер 4 марта 1937 года в Сент-Кантен (Франция).

Младший сын, Владимир, окончил Павловское военное училище, служил в Лейб-гвардии Измайловском полку, принимал участие в Первой Мировой войне, был дважды ранен, но каждый раз возвращался в строй, имел награды, в том числе. орден Св. Георгия 4-й степени, который получил за героизм, проявленный во время Брусиловского прорыва – «будучи в чине капитана в бою 7 сентября 1916 г. у местечка Свинюхи личным примером и беззаветной храбростью увлек людей под сильным пулеметным и артиллерийским огнем, атаковал противника и, несмотря на большие потери, овладел двумя линиями сильноукрепленных неприятельских позиций, захватив траншейное орудие, 4 офицеров и 82 солдата»⁷.

28 декабря 1916 года Владимир Корнильевич был произведен в полковники. Он стал последним командиром Лейб-гвардии Измайловского полка (с 25.09.1917 по 18.12.1917).

Позже воевал в Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского генерала Маркова полка, с 29 сентября 1918 года – помощник командира Сводно-гвардейского полка. Убит 2 октября 1918 года под Армави́ром.

Так по-разному сложились судьбы сыновей Корнилия Андреевича Соколова, но каждый из них честно служил Отечеству и не их вина, что раздираемая революционными событиями страна развела их по «разные стороны баррикад».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Некоторые труды К.А. Соколова: 1. Хирургия для фельдшеров, 1891–1892 гг. 2. Из хирургии военно-полевых наблюдений во время войны в Сербии (1876 г.) и Черногории (1877 г.). 3. Хирургия, в двух томах; 4-е издание 1904 г., 6-е издание 1916 г., исправленное и дополненное. 4. Латынь для сестер и братьев милосердия, 1900 г., три издания. 5. Записки по уборке раненых, основные понятия из военно-полевой хирургии для воспитанников С.-Петербургской военной фельдшерской

школы, 1891 г. 6. Записки по механургии, том первый и том второй (переломы), 1884 г. 7. Военная гигиена. Руководство для военных и юнкерских училищ, 1909 г. (2-е издание 1916 г.).

² Краткая записка о службе старшего врача Николаевского Кавалерийского училища, статского советника Корнилия Соколова, представляемого к производству в чин действительного статского советника. Сентябрь 1904. // РГВИА. Ф.409. Оп.2. Д. 24543 (пс.314–796).

³ Местечко, где когда-то стояла усадьба Ухабное, которая в некоторых документах именуется Верхним Двором, в народе до сих пор называют Барским имением.

В 1907 году сама усадьба Верхний Двор располагалась на площади в одну десятину, состояла из трёх жилых и восьми хозяйственных построек. В ней содержалось три лошади, 8 голов крупного рогатого скота. Работало в усадьбе трое наёмных рабочих: один мужчина и две женщины. В тот год было высеяно 48 мер овса, одна мера ячменя и высажено 13 мер картофеля (мера – русская единица измерения веса, равная приблизительно объёму одного пуда зерна). Севооборот был трёхпольный с подсевом клевера. В усадьбе имелись два одноконных плуга и одна железная борона. Кроме того, К.А. Соколов владел десятью десятинами пашни навозной, пятью с половиной десятинами сенокосов мягких заливных, тринадцатью с половиной сенокосов суходольных, 600 десятинами леса строевого, дровяного и вырубок, 215 десятинами леса по болоту. Всего в его распоряжении было 868,5 дес. земли удобной и неудобной. («Материалы для оценки земельных угодий. Белозерский уезд. Новгород, 1910 г.). А. Дудкин.

⁴ Памятная книжка Новгородской губернии на 1916 год.

⁵ Запись о смерти № 42 в Метрической книге Николаевской Сухачской церкви за 1917 год // ГАВО. Ф.496. Оп.50. Д. 111. Л.341.

⁶В.И. Фомин. Верность долгу. – Севастополь. НПЦ "ЭКОСИ-Гидрофизика", 2005 г.

⁷Послужной список полковника Лейб-гвардии Измайловскаго полка Владимира Корнильевича Соколова 1-го. Составлен в сентябѣ 1917 года. // РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д. 142662 (пс. 92–083).

Литература, публикации

1. А.И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV – начала XVII вв. Москва-Ленинград, 1951 г.
2. Белозерск. Краеведческий альманах. Выпуск 3. Вологда, 2007 г.
3. Ю.И. Чайкина. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Архангельск, 1988 г.
4. Писцовая книга езовых, дворцовых волостей и государевых угодий Белозерского уезда 1585 г. Институт истории СССР, Москва-Ленинград, 1984 г.
5. Сергей Шумаков. Обзор «грамот коллегии экономии». Выпуск второй. Тексты и обзор белозерских грамот (1395–1758 гг.). Москва, 1900 г.
6. Кадуйские зори. Кадуй, 1995 г.
7. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Том первый. Москва, 1951 г.
8. Краеведческий альманах «Кадуй». Вологда, 2005 г.
9. Новгородский сборник. Выпуск 1. Новгород, 1865 г.
10. И.В. Пугач. Устюжна Железопольская и уезд в XVI – в первой половине XVII вв.: территория, население, хозяйство.
11. Наше прошлое. Взгляд художника. Вологда, 2009 г.
12. Список населённых мест Новгородской губернии. Выпуск XI. Белозерский уезд. Новгород, 1912 г.
13. Памятные книжки Новгородской губернии за 1871, 1877, 1915 гг.
14. Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 1. Белозерский уезд. Новгород 1889 г.
15. Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 3. Белозерский уезд. Новгород, 1910 г.
16. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1961 гг. Сборник документов. Москва, 1963 г.

Архивы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА):

ф. 1374, оп. 1, д. 394;

ф. 383, оп. 21, д. 29721;

ф. 1286, оп. 20, д. 1170.

2. Государственный архив Новгородской области (ГАО):

ф. Ф-138, оп. 1, д. 497;

ф. Ф-480, оп. 1, д. 4908.

3. Государственный архив Вологодской области (ГАО):

ф. 496, оп. 50, д. 171 и д. 58;

ф. Р-1712, оп. 2, д. 234.

4. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД):

ф. 2, оп. 1, д. 84;

ф. 4, оп. 3, д. 242.

Периодические издания

1. Заря коммунизма. Наше время – Кадуйская районная газета.

2. Свинец. Историко-краеведческий журнал учреждений культуры Кадуйского муниципального района.

3. Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы, 1916-1917 гг.

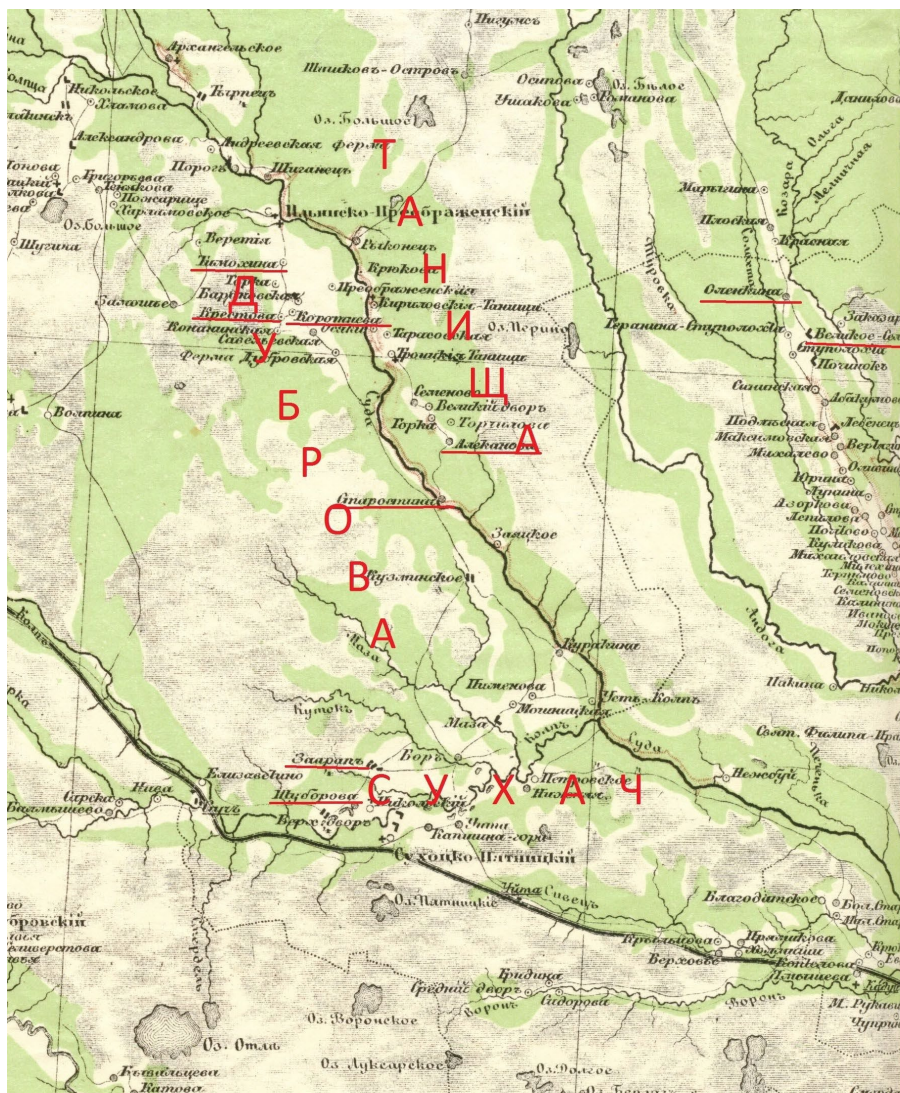
Интернет-ресурсы:

1. Сайт «Храмы России».

2. Сайт «Перепись 1710 г.».

3. Портал «Память народа».

4. Сайт И. Орищенко «Белоликовы».

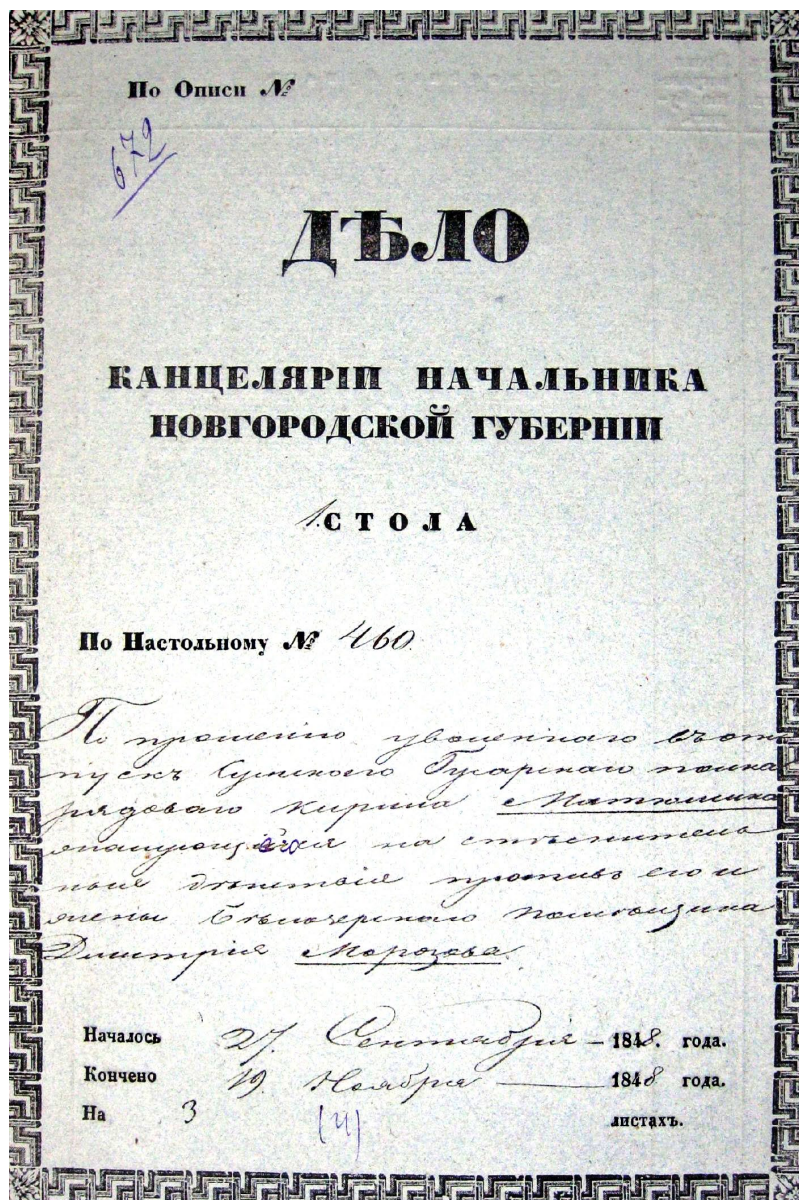

К очерку Сухач. Расположение волости Сухач и соседних волостей на карте.

81

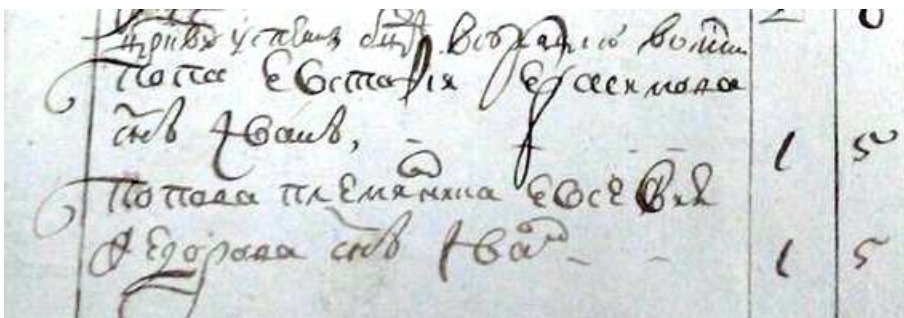
К статье Ирины Орищенко Верность долгу.

Обложка архивного дела на помещика Дмитрия Морозова.
К очерку Морозовы – мошницкие помещики.

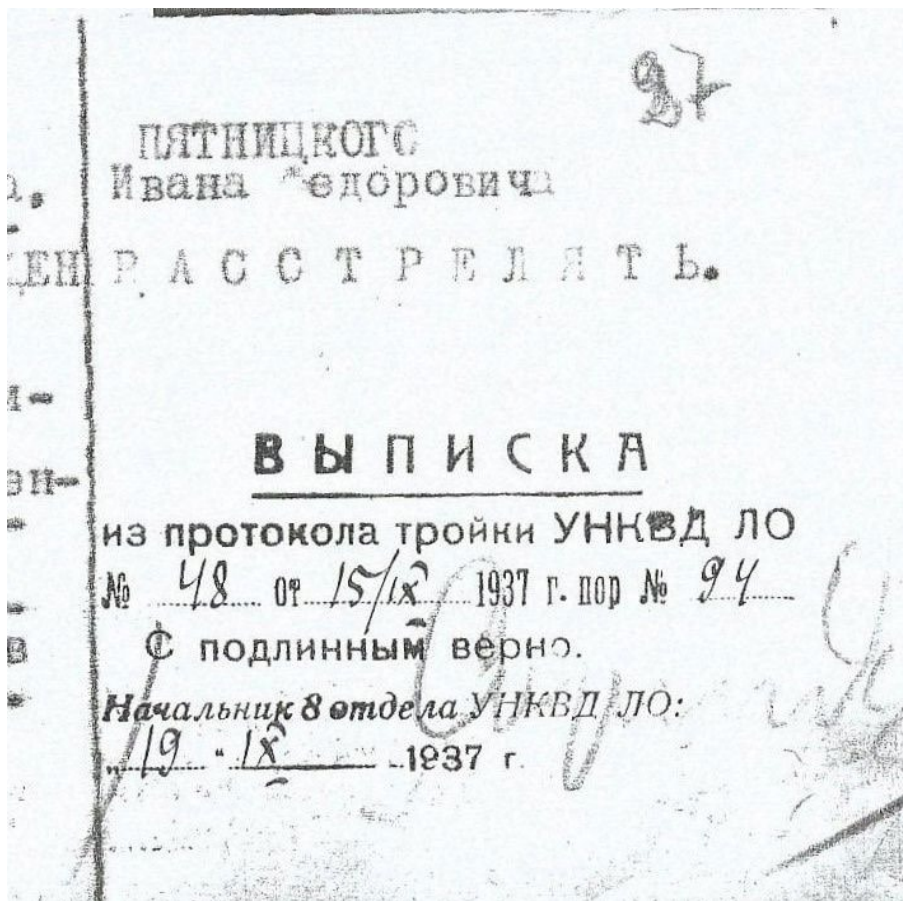
К очерку Злостная шинкарь. Аншлаг на месте посёлка Бушуева.

К очерку Пятницкие

К очерку Злостная шикарная. Кузьма Родин с внуком.
Фото конца 30 – начала 40-х годов.

К очерку Пятницкие... Фрагмент архивного документа.

Фрагмент документа первой половины 17 века (сведения на 1736 и на 1741 годы):

Церковь Успенья Пресвятой Богородицы Сухачской волости.

Попа Евстафия Герасимова сын Иван (1 год в 1736 г. и 5 лет в 1741 г.).

Попова племянника Евсевия Федорова сын Иван (1 год и 5 лет).

Государственный архив Вологодской области, фонд 496, опись 1, дело 1214, лист 71.

Отец Александр Лебедев (правнук И.Ф. Пятницкого) на молебне на Успенском Сухаческом погосте. К очерку Пятницкие...

К статье Ирины Орищенко Сухачский Николаевский приход.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие редакции	2
Предупреждение	3
Сухоч (XVI – середина XIX вв.)	4
Говорунов и протестующих в сельские старосты	37
Морозовы – мошницкие помещики	40
Обыкновенная история в необыкновенный год	48
Злостная шинкаря или «Прошу вернуть меня на родину...»	52
Пятницкие: с XVIII века по XXI-й	57
Приложения	65
И. Орищенко. Сухачские священники	65
1. Сухачский Николаевский приход	65
2. Сухачский Успенский приход	69
И. Орищенко. Верность долгу	71
Литература, публикации	78
Фотографии и архивные данные	80